

Жизнь на полотнах художников

Произведения наших живописцев представляют собой как бы художественную летопись советской жизни. Многие полотна запечатлели огромные события в истории борьбы нашего народа за коммунизм. Однако до сих пор художники стоят далеко от повседневной жизни, словно не замечая, как красивы будни социалистической действительности, как интересен и богат советский человек в труде, в быту, в том, что принято называть личной жизнью. Словом, речь идет о том, что жанровая живопись, призванная в ясных сюжетах отразить все многообразие нашей жизни, является пока наиболее отстающим участком изобразительного искусства.

За последние годы неоднократно вспыхивали споры и дискуссии по поводу жанровой живописи. Какой должна быть советская жанровая картина? В решении этого вопроса допускалась немалая путаница.

Нередко от жанровых полотен требовали того, что свойственно прежде всего монументальным полотнам и часто вовсе не нужно в жанровой живописи. К примеру, на страницах журнала «Искусство» можно было встретить такое определение: «В советской живописи бытовая тема звучит как значительная, героическая, наполненная гражданским пафосом. Это новое содержание диктует и новые формы, определяет особенности живописного языка, торжественности, монументальности композиции, повисшую звучность цвета, общую приподнятость...» Подобные требования к жанровой живописи на разные лады повторялись многими критиками. Но эти требования явно бьют мимо цели. Бесспорно то, что каждая жанровая картина, сколь бы ограничен ни был ее сюжет, должна нести в себе большую мысль, рождать ответное чувство у зрителя. Но это вовсе не значит, что «торжественность, монументальность композиции, повисшая звучность цвета» — обязательные условия жанровой живописи. Напротив, эти черты, вполне уместные и часто необходимые в монументальных полотнах, приводят к фальши и наигранности в картинах на темы повседневного труда наших людей, на бытовые темы. Лучшие произведения нашей жанровой живописи — такие, как «Прием в комсомол» и «Обсуждение двойки» С. Григорьева, «Хлеб» и «Весна» Т. Иллонской, «Пробы на канькулы» Ф. Решетникова, «Возвращение» В. Костецкого, «Отдых после боя» Ю. Непринцева и другие, — тем и хороши, что они просто и точно рассказывают о буднях мира и войны. В них содержится материал для глубоких размышлений о советском образе жизни, о характерах, душевном мире наших людей. Но эти выводы не навязываются и не декларируются авторами. Важные обобщения естественно и органично вытекают из тех конкретных жизненных явлений, которые объективно и полно отражены в картинах.

Главное для художника-жанриста — увидеть и довести до сердца зрителя смысл, обаяние и красоту всеполюющего нового в его росте, развитии, борьбе со старым. К сожалению, нередко наши художники только фиксируют события, снижая содержание жанровой картины до уровня протокола, не вскрывая духовной сущности и идейного смысла изображаемого события. Вызывает сожаление и наплевательское отношение к делу со стороны тех, кто в техническом оборудовании, в рабочих, которые, судя по подписи под картиной, выполняют план, и ученых, занятых, по уверению автора, внедрением новых методов в производство, — и все же получается сухая, скучная вещь, дающая лишь мертвенный слепок с действительности.

Советские художники должны учиться мастерству создания жанровых картин у классиков русского искусства. Сейчас уже невозможно столкнуться с открытым отрицанием значения отечественной классики. Но получила известное распространение «теория», утверждающая, будто художники-реалисты прошлого создавали по преимуществу отрицательные образы, а положительные типы в их творчестве страдали ущербностью и неполноценностью и не могут служить образцом для советских мастеров искусства.

Такое противопоставление в корне неправильно. Передвижники с реалистической силой показывали как отрицательные, так и положительные явления и типы своей эпохи.

В советских условиях перемены и прогрессивное всегда побеждает. Но соотношение между положительными и отрицательными персонажами должно определяться не мелкими несбыточными статистическими нормами (положительные — «преимущественно», отрицательные — не больше такого-то процента), а реальным содержанием каждого показанного явления жизни. Само собой разумеется, что в советской жизни бесконечно много радостного, отдаленного. Но с тем большей силой и партийной непримиримостью должны наши художники бить по всему отсталому, реакционному, по всему, что мешает нам двигаться вперед.

В арсенале наших художников есть такое боевое оружие, как сатирический портрет. Этот жанр представлен у нас целой плеядой отличных мастеров. Он еще сослужит свою службу в борьбе с врагами и пережитками прошлого. Но кроме того, художник, пишущий обычный портрет, обязан отразить правду во всей ее многогранности, и если в его «модели» есть характерные черты, на них нельзя закрывать глаза, нельзя «подчищать» и приукрашивать изображаемых людей. Это было бы прямым отступлением от коренных принципов социалистического реализма, от великих заветов классики.

Обиженные взгляды на традиции советской живописи, на творческую практику наших жанристов тормозят их развитие в правильном направлении. Это особенно ярко сказалось в работах, посвященных темам труда. Наши художники очень часто, как говорят актеры, «играют результаты». Вместо того, чтобы показать всю сложную и трудную борьбу за производственные победы, они в многих случаях ограничиваются изображением торжеств по поводу этих побед.

Изображение народных торжеств и праздников предоставляет живописцу много богатейших возможностей. Но когда из года в год десятилетия появляются однообразные картины все о тех же праздниках и торжествах, то подлинная праздничность начинает подменяться парадным благополучием.

Конечно, за последние годы были созданы и картины, в которых есть попытки показать самый процесс труда, творчества, освоения нового. Но многие из этих картин неудачны, и о причинах неудач следует серьезно подумать.

Нужно выкинуть в сущность изображаемых жизненных явлений, раскрыть в них основное, решающее заглянуть за самый замысел картины Г. Мелихова «Новаторы» (Всесоюзная выставка 1950 г.). Художник изобразил встречу представителей закарпатских рабочих с передовиками-новаторами промышленности. Это — тема полотна. На нем добрых два десятка фигур, масса разнообразных, любовно выписанных деталей, но все это объединено ни единой мыслью, ни четко разработанным сюжетом. Что здесь, собственно, происходит? Почему все смотрят в разные стороны без определенной цели и ясного намерения? Кто новатор и в чем это новаторство заключается? На все эти вопросы картина так и не отвечает озадаченному зрителю.

На Всесоюзной выставке 1951 года появились первые значительные по замыслу и масштабам полотна о великих стройках коммунизма. Но, очевидно, художникам было не ясно, в каком направлении следует вести свою работу. Наиболее выразительный пример — большой холст «На великой сталинской стройке (Куйбышевская ГЭС)», выполненный бригадой под руководством П. Соколова-Скала.

Картина содержит множество элементов, говорящих о внимательном изучении живописцами отдельных деталей стройки. Здесь есть и далекой пейзаж с гладью реки и холмами на горизонте, и разнообразная техника, рабочие различных специальностей, ученые, что-то объясняющие, и даже кого-то приветствующие пионеры. Но из разрозненных деталей не складывается картина.

Полотно не имеет, так сказать, сквозного действия, ясного сюжета, ведущей мысли, которая служит смысловой точкой притяжения всех элементов живописного повествования. Ясно, что без этого картина рассыпается на отдельные детали и, собственно, перестает быть картиной.

Нетрудно заметить, что в обеих упомянутых картинах есть закономерная взаимосвязь и последовательность недостатков. Прежде всего, художники не показывают — или показывают поверхностно — дело, которым заняты люди, сущность и своеобразия трудовых процессов. А не показав толком, что делают люди, с какими трудностями в работе приходится им сталкиваться и как эти трудности преодолеваются, художник, естественно, не может создать увлекательного рассказа о труде, построить сюжет, насытить действие драматической остротой. И как итог всего этого — в картинах нет цельных и многогранных образов людей, глубоких психологических характеристик. Это-то и есть самое плохое. Нельзя призывать к подробно-описательному изображению различных технологических процессов: это превратило бы картину в наглядное пособие и отнесло на второй план главное — образы людей. Но необходимо раскрыть самый процесс творчества, в котором полнее и ярче всего раскрывается характер человека труда.

Выставки последних лет ясно показали, что тема труда находит пока слабое отражение в произведениях советских живописцев. Достойное воплощение этой важнейшей темы — долг художников перед страной, партией, народом.

Что же в первую очередь необходимо для того, чтобы преодолеть отставание жанровой живописи и создать живописную летопись пятилетки? Прежде всего надо пристально и глубоко изучать жизнь. Даже самые прекраснейшие темы, зрелое мастерство не дадут полезных плодов, если художник будет смотреть на жизнь только из окна своей мастерской, строя картины умозрительно.

Правда, многие художники эзды в творческие командировки. Но, отправляясь «в жизнь» на короткий срок для сбора материала, художник не может глубоко познать то, что необходимо ему для произведения, полного жизненной правды. Он должен из года в год быть в облюбованных им местах страны, на предприятиях, в колхозах. Он должен стать своим человеком среди своих героев, понять смысл и душу происходящих событий так, чтобы они стали ему близки и дороги, как своя личная жизнь.

Изучая явления действительности, художник наглядно убедится, что стержнем и стимулом роста, движения вперед является борьба за новое, имеющая самые разнообразные формы и облики. Показывая ее, живописец обязательно столкнется с необходимостью драматического и конфликтного построения сюжета, которое почти отсутствовало в повседневных произведениях жанровой живописи на темы труда. Основная сфера действия конфликта в живописи — это, конечно, сюжетные, в том числе жанровые, полотна. Для того, чтобы представить себе великое значение драматического конфликта в сюжетном полотне, стоит вспомнить одно из лучших произведений советской живописи — картину Б. Иогансона «На старом уральском заводе».

Возможности драматического конфликта в живописи своеобразны и широки. С его помощью можно показать не только непосредственное столкновение спорящих сторон, «любовую» борьбу старого и нового. В некоторых случаях такая борьба может оставаться и за пределами картин, но служить ей подтекстом, овевающим и направляющим все содержание произведения.

В тех случаях, когда конфликт, борьба, действие становятся основой картины, художнику нельзя обойти без ясного сюжета, которого так часто не хватает в картинах о труде. Явившись организующим началом картин, сюжет, воплощенный с помощью высокого живописного мастерства, поможет главному: раскрытию характеров людей труда во всей психологической глубине и сложности.

Вооруженные историческими документами XIX съезда партии, наши художники должны достойно отразить трудовую деятельность народа, его творческую борьбу за победу коммунизма в нашей стране.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 141 (3014)

Суббота, 22 ноября 1952 г.

Цена 40 коп.

Международные отклики

СЕНАТОР БРИДЖЕС «ПОПРАВЛЯЕТ» г-на АЧЕСОНА

В вышедшем на днях ноябрьском номере журнала «Американ меркьюри» американский сенатор-республиканец Стайлс Бриджес напечатал обширную статью по корейскому вопросу. Не будучи связан дипломатическими условностями, сенатор говорит вполне откровенно о целях организаторов американской интервенции в Корею. По их замыслу, война в Корею должна послужить началом мировой войны за установление господства американских империалистов над всем миром. Бриджес так и говорит: «Это не просто война в Корею — это мировая война; бой в Корею — это лишь ее самое активное проявление».

Дескать, пусть Ачесон в Организации Объединенных Наций толкует о желании «регулировать» корейский конфликт. На самом же деле, пишет Бриджес, «насколько мне известно, ни у одного авторитетного республиканца или демократа, будь то генерал или адмирал, нет никакого плана «срочной» этой войны. Мы не можем прекратить войну на других условиях, помимо мирной победы...»

Бриджес утверждает даже, что «эту точку зрения относительно войны разделяют в основном генералы Эйзенхауэр, Брэдл и Макартур, а также наиболее ответственные политические лидеры».

Расширившийся сенатор предлагает конкретный план дальнейшего ведения и расширения войны. Он требует отказа от всех «ограничений» в отношении оружия, применимого в сражениях, и призывает использовать атомные бомбы в Корею.

Людское выступление Бриджеса не является заявлением одинокого вола в пучине тишины. Немало добрых речей в этой статье произнесли ответственные и безответственные американские агенты международного разбора и до него. Как водится, и в этот раз сенатор Бриджес не остался в одиночестве. Одновременно с появлением его статьи член палаты представителей — тоже из числа «добрых» республиканцев — Джеймс Мартин в интервью журналу «Ньюсуик» заявил, что «Соединенные Штаты «собираются разрешить корейскую проблему, как подобает». Как же именно? При существующем положении, пояснил Мартин, любые перемирие не будет иметь значения. А поэтому нечего засиживаться за круглым столом в Паньминьчжоне, необходимо «наращивать вооруженные силы Чан Кай-ши, чтобы он мог вернуться для борьбы на материк».

Это истинное credo американских империалистов высказано в то самое время, когда, выступая по корейскому вопросу на Генеральной Ассамблее ООН, г-н Ачесон цитирует послания, выражающие «согласие» жертвам войны в Корею, являются в том, что США стоят-де за «ограничение войны» и мирное урегулирование конфликта «справедливым и достойным образом». Какое лицемерие!

ЛИТЕРАТОР

Друзья Сталинграда — друзья мира

В Сталинграде, напротив строящегося вокзала, стоит небольшая односторонняя осыпанная табличка у двери сообщает: «Государственный музей обороны Сталинграда — Сталинграда имени И. В. Сталина». За последние четыре года в музее побывало полмиллиона человек, около трехсот иностранных делегаций.

Залы музея немногочисленны, но каждый из них ярко освещает о суровых днях и битвах Сталинградской и Сталинградской обороны, о славных победах, одержанных советским народом под руководством мудрого вождя И. В. Сталина. С его светлым именем связаны победы советского оружия всегда и на всех фронтах и в частности, под Сталинградом, связаны рост и совершенствование советской артиллерии — главной ударной силы Советской Армии.

Артиллерия! Она сыграла исключительную роль в обороне Сталинграда в 1942 году — 24 года спустя — 19 ноября 1942 года — гуд тысяча мощных орудий и минометов возвести миру о начале грандиозного наступления советских войск под Сталинградом. Человечество не забудет великой сталинградской победы советского народа. Свою высшую точку своего восхождения его подвигом во имя мира. Последний обширный зал музея сумел вместить лишь незначительную часть подарков, присланных простыми людьми со всех концов света в знак благодарности воинам Сталинграда, сталинградцам.

Китайские солдаты прислали свое боевое знамя с именами героев Народно-Освободительной Армии. Много бессонных ночей провели китайцы, работая над портретами товарищей Сталина и Мао Цзэ-дуна. Эти портреты, вытканые из шелка, они послали сталинградцам. Чешские друзья прислали работу своего известного скульптора Карела Покорного «Встреча бойца пражских баррикад с советским воином». Из далекой Эфиопии прислали позолоченный щит с надписью: «Покоренному городу».

Друзья Сталинграда — во всем мире, и все они — друзья мира.

Поль Робсон написал в книге отзыв: «Мы — прогрессивные американцы — продолжаем бороться за мир и за дружбу с Советским Союзом».

Хьюлетт Джонсон оставил запись: «Я горжусь тем, что пишу в этой книге после посещения замечательного музея, который отражает величайшую оборону великого города и великие дела всех времен». Главный ствол фашистского дерева был срублен в Сталинграде и людьми Сталинграда. Для нас осталось уничтожить все отростки от этого старого корня, один за другим, всюду, где они только появляются. Все, что сделано Красной Армией в Сталинграде, укрепляет нас в нашем труде».

Вот запись, сделанная Раймондой Дьен: «Ни один француз, достойный называться этим именем, не забудет про Сталинград. Женщины Франции повторяют здесь торжественную клятву не отдавать своих сыновей для войны против Советского Союза».

«Сталинград навеки остался святым для нас неуязвимой звездой», — заявил один из старейших борцов за мир, выдающийся датский писатель Мартин Андерсен Пекке.

В этом музее воинской славы, как и во всем городе, носящем имя великого человека, все говорит о многолетней неустанной борьбе советского народа и его друзей за жизнь, за мир.

А. ШЕЙНИН,
корр. «Литературной газеты»
СТАЛИНГРАД

Чем пахнут ремёсла?

У каждого дела Запах особый: В булочной пахнет Тестом и сдобой. Мимо столярной Иден, — мастерской. — Струнуно пахнет И свежей доской. Пахнет маляр Спидиромом и краской, Пахнет стекольщик Окноной замаской. Куртка шофера Пахнет бензином. Блаза рабочего — Маслом машинным. Пахнет кондитер Орехом мускатным. Доктор в халате — Лекарством приятным. Рыхлой землею, Полеи и лугом Пахнет крестьянин, Идущий за плугом. Рыбой и морем Пахнет рыбак. Только безделье Не пахнет никак. Пахнет духами Бездельник богатый: Очень неважно Он пахнет, ребята!

СТИХИ ДЖАННИ РОДАРИ

В переводах С. МАРШАКА

Почему я перевел стихи Джанни Родари? Народная поэзия, источник которой питают поэзию литературную, создала множество колыхательных, цыганских, потешных песенок для детей, бесчетное число стихов-заклинаний, обращенных к дождю («Дождик, дождик, перестань!», к огню («Гори, гори, снои!»), к божьей коровке («Божья коровка, улети на небо!»), сотни и тысячи веселых и метких «разнолик», скороговорок, переворотышей, считалок. Эти двустишия и целые цепочки двустиший запоминаются нами с самого раннего детства. В них слышится высокий и чистый детский голос; в них заключено так много детской непосредственной радости и энергии. Они повелительны в своем обращении к стихиям, к миру. Малковский и наши лучшие из современных поэтов, пишущих для детей, признали, как наследие, опыт народной поэзии, лубка, считалки, разностики. Отрадно отметить, что ритмом народной детской песни проникнуты и стихи для детей в современной демократической поэзии Запада. Такими, например, стихи молодого итальянского поэта Джанни (Джованни) Родари, хорошо знакомые юным читателям его страны. Многие стихотворения Родари написаны по просьбе, по заказу читателя-ребенка. Они находят доступ в каждый городской и деревенский дом, где живет юный читатель, и вместе с детьми их читают и повторяют нарциссы взрослые. Лаконичные, действенные, полные огня и задора строчки пропевают честный труд, свободу, мир. Серьезная и значительная тема сочетается в этих стихах с живым и своеобразным юмором. Они как нельзя более соответствуют детскому восприятию, детскому голосу. В них есть та причудливая игра, без которой немыслимы стихи, входящие в детский обиход. Почти каждое из стихотворений затейливо заумно, полно нежизнистости. В простых и многоосложненных стихах наша совесть правдиво отражена быт детей и взрослых из рабочих кварталов Италии, а по форме они так похожи на те песенки-считалки, которые твердят и расппевают а своих играх итальянские дети. Сохраняя стихи, достойные стать рядом с народной песней и считалкой, умеют только те поэты, которые живут с народом общей жизнью и говорят его языком. Таким поэтом представляется мне Джованни Родари. В его стихах я слышу звонкие голоса ребят, играющих на улицах Рима, Болоньи, Неаполя. Вот почему я взялся за перевод стихов Родари, с которыми меня впервые познакомила научная сотрудница Института мировой литературы З. М. Потапова. В некоторых из своих переводов я отошел от буквальной точности, стремился передать самую сущность свежих и непосредственных стихов итальянского поэта. Но иначе, я думаю, и нельзя переводить свободные и причудливые, часто основанные на забавной рифме стихи для детей.

С. МАРШАК

Какого цвета ремёсла?

Цвет свой особый У каждого дела. Вот перед нами Булочник белый, Белые волосы, Брови, ресницы. Утром встает он Раньше, чем птицы. Черный у топки Стоит кочегар. Всеми цветами Сверкает маляр. В синей спешковке Под цвет небосвода Ходит рабочий Под сводом завода. Руки рабочих — В масле и в саже. Руки богатых Белее и глаже. Нежные пальцы, Светлые ногти, Нет на них копоти, Масла и дегтя. Знаешь: пуская у них кожа бела, Очень черны у богатых дела!

Рыбак

— Эй, рыбак, идущий в море, Что ты ищешь на просторе? — Ставлю в море перемёт, Может, что и попадет. Сети в море я закину, Чтоб поймать ботинки сыну. Нет ботинок у него, У сынишки моего.

Метельщик

Вы знаете, кто я, ребята? Я — тот, Кто улицу вашу метлою метет. Ключья бумаги, ржавые банки, Рваную обувь, кости, жестики, Корки, окурки, осколки стекла Эта метелка усердно метла. В тачке скрипучей Вылез я кучи Тряпок, коробок, старых газет, Вылез я сору Целую гору. Вот и устал я на старости лет. Только боюсь я, что с кучею сора Деда-метельщика выметут скоро!

Лудильщик

Стишок про лудильщика, парня веселого. Он плавит свинец и блестящее олово. Он варит лекарства в походной аптеке Больной скорородке, настрелю-калеке. Он чайник исправит — и чайник изорвет. Он — врач скорородок, профессор котлов. Он лечит кофейнику носик и дожде, И старый кофейник сверкает, как солнце. Больница его — на камнях мостовой. И солнце горит над его головой.

Точильщик

На педаль нажимаю ногою, Он вращал колесо ремешком. Колесо он носил за спиною, А ходил по дорогам пешком.

Служанка

Вечно ворчит На служанку хозяйка: — Плохо поглядывала Платье, лентянка, Она не вымыты. Пол не натёрт. Ложка пропала. Не выпечен торт. Дня не проходит Без новой придирки. — Сору без соли. Крендель без дырки. Кот не накормлен. Кофе не молото. Плохо начищены Бронза и золото. Лопнул стакан И разбиты две банки... Туго приходится Вечной служанке!

Человек на подъёмном кране

Эта маленькая песенка Снизу вверх идет, как лесенка. Под землей во тьме шахтёры Пробивают коридоры. Землекопы роют ров. Скоро будет он готов. По земле крестьянин ходит, Плугом борозды проводит. По столбу ползёт монтер. А кругом — такой простор! Лезет кровельщик повыше. Нас с тобой он видит с крыши. А над ним, как великан, Носит груз подъёмный кран. Человек на этом кране Еле видит нас в тумане. Но зато со всех сторон Видит синий небосклон. Небо — слева, небо — справа. А ему не страшно, право!

Субботний вечер

В белом конверте — недельная плата. Папа потрогал, сказал: — Маловато. Мама сказала: — Мы всем задолжали. Рис, макароны опять вздорожали. Папа задумался: — Вот и работай!.. И разбиты две банки... В папином голосе грусть и забота. Мама ребятам печально сказала: — Завтра в кино не пойдете, пожалуй. Папа добавил: — На этой неделе, Плескаться в море и в реке И строить замки на песке. Видно, не будет для вас карусели. Дети грустят. И во всем виновата недельная плата.

Старый каменщик

Этой лопаткой И этим отвесом Замки я строю Принцам, принцессам. Строю для всяких Бездельников важных Множество зданий Многоэтажных. А у меня И у старой подруги Нет ничего. Кроме старой лопатки. Окна без стекол. Крыша из жести. Так и живем Со старухой вместе. Знаю я толк И в граните и в мраморе. Строю я дачи С окнами на море. Так для других Буду последнего дня Буду работать. А кто для меня?

Городской трамвай

Не будит меня на рассвете пелух. Сигналы трамвая тревожат мой слух. Одеты в спешков свои темносиние. Рабочие первыми едут по линии. За ними в вагоне второго трамвая Чинovníки едут, газеты читают. А в третьем трамвае — вонзая, суега, Вагата ребит занимает места. Они повторяют во время движения Сложные, деленные, спряженые.

Почтальон

Мой почтальон Крич им вслед: — Куда ты гонишь Велосипед? — Через дорогу В последний дом К одной сеньоре Спешу с письмом. А что сеньора Прочтет в письме? — «Не жди к обеду. Твой сын в тюрьме. На гладкой, ровной Стене завода Я вывел мелом: «Мир и свобода» Хоть здесь ошибки Нет ни одной. Меня в участок Отвел конвой. Красиво, ровно Я вывел строчку, Да позабыл Я. Поставить точку. Но ты ошибку Мою исправь. Большую точку В конце поставь!»

Славный корабль

— Славный корабль, ожидающий в гавани, Много ли груза уносишь ты в плавание? — Тысячу взять я могу пассажиров, Уголь, бочони солёного жира, Несколько шлюпок и катер моторный И капитана с трубой подзорной. Быстро иду я, волну рассекая, Из Коста-Рика до порта Китая. Мне нипочём ураган и туман. Только ласкает меня океан. Если ж заставят меня на стоянке и танки, Кану я с грузом своим заодно К рыбам — на дно!

Лето в городе

Приюто детям в зной горячий Уехать за город на дачи, Плескаться в море и в реке И строить замки на песке. А лучше — в утробной прохладе купаться в горном водопаде. Не если вас отец и мать Не могут за город посылать, — На каменной лестнице, Жарко нагретой, Вы загораете Целое лето Или вальтесесь Летом на травке На берегу Водосточной канавки. Если б меня президентом избрали, Я бы велел, чтобы В каждом квартале Каждого города всем напоказ Вывешен был мой строжайший приказ: 1. Детям страны президентским декретом Жить в городах запрещается летом. 2. Всех ребятишек на летнее жительство Вывезти к морю. Заплатит правительство. 3. Этим декретом — параграфом третьим — Горы Альпийские дарят детям.

„Старь берём!“

Эй, старичок — «Старь берём!» Что ты несешь в мешке своем? — Несу башмак без каблука, Один рукав без пиджака, Смычок без скрипки и ошейник, Безносый чайник и кофейник Да котелок из чугуна, Насквозь прожаренный, без дна. Несу министра без портфеля. Он правил бёг году неделю И призывал страну к войне. Он у меня на самом дне!

ЗАКЛЮЧЕНЬЕ

Кто не исполнит приказа, — тому Будет грозить заключение в тюрьму!

Острова будут цвести

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ
РАЗГОВОР

„ПРОШУ ВАС, НАПИШИТЕ САТИРУ!“

Несколько лет назад на эстонском острове Сааремаа я услышал от старого крестьянина легенду. Данным-давно на их земле — а была она тогда цветущей и плодородной — задумал поселиться чорт; он уже и каменной мостик построил к острову. Опечалились островитяне: будет чорт теперь пакостить! Рыбу от берегов отведет, мор на крестьянский скот напустит, силы в работе у людей отнимет... И, как всегда, на помощь пришел Суур Тылл — храбрый и сильный крестьянский сын. Он погнался за чортом и столкнул его в море. Одно получилось плохо: убогая, чорт рассыпал из мешка все свои камни. Трудно стало крестьянам обрабатывать усыпанные камнями поля, и земля их захирела, народ обеднел. А Суур Тылл, утопив чорта, тут же ушел с острова. Но он вернется, говорит легенда, и распашет родную землю от чортовых камней. Тогда над эстонскими островами засияет счастье.

Достаточно хотеть раз побывать на Сааремаа, чтобы понять, отчет в старой Эстонии не было крестьян беднее и горше, чем на островах... Их поля словно и в самом деле чорт усыпал камнями. Усыпал густо-маленькими, большими, и наконец, огромными валунами, возвышающимися на полях, будто мрачные курганы.

Попробуйте, повоюйте голыми руками с таким врагом! Островитяне воевали — упорно, терпеливо, не цедя сил. Камней по обочинам дорог, в стенах амбаров и коровников, груды камней возле огородов — это следы борьбы. Даже в названии своих деревень крестьяне вложили камень: «Кивикюла» — каменное поле, «Кивикюду» — жилище в камнях. В сказке ничего не говорится о втором враге, а он существовал... По вечерам этот враг яростился за белесой подолой тумана, днем таился в колотухах, чухлых кустарниках и сухой осоке. Болотом — Змеиные, Гилые, Журавлиные, как и камни, выматывали силы островитян. Недаром поговорка в народе сложилась: «Кто всех топчет? Треска осенняя — тогда, волк голый — топа, а обих их топчет — человек с островов...»

Большая земля была чужой для островитян. Прислажили оттуда перекрученную рыбу, за бесенок ее забирали — это все, что посылал материк. А с островов на материк шел, кроме рыбы, еще один ценный товар — дешевые рабочие руки обитавших островитян. Не в интересах эстонской буржуазии и буржуазного правительства было думать об улучшении жизни на островах.

Утвердилось мнение, что там и невозможна что-либо сделать.

Мне довелось видеть материалы одной «наушной» экспедиции. Выводы, к которым пришли буржуазные ученые, посетив острова, были печальными... Рыболовство на островах, по мнению участников «наушной» экспедиции, не имело никаких перспектив. Нельзя и рассчитывать, чтобы у рыбаков появилось когда-нибудь достаточно удовлетворительное рыболовное оснащение. Животноводство также не таило возможности крайнего поста. Пастбища и луга на островах крайне бедны, и нет видов на их обогащение. Что касается земледелия, то здесь буржуазная наука в лице представителей экспедиции споткнулась о чортовые камни и прочно увязла в болотах.

С такой землей, как на островах, ничего нельзя сделать, — вот каков был приговор.

Новая жизнь решила по-иному судьбу эстонских островов: Сааремаа, Хийумаа, Кихну, Муху...

В один из апрельских дней этого года на всех дорогах Сааремаа происходило необычайное оживление. Со всех сторон острова к районному центру, к г. Кингисепу (б. Курессааре), ехали подводы с крестьянами. Их обгоняли, энергично нажимая на педали, велосипедисты. Поднимающая облака пыли, вырывавшая вперед грузовики...

Это колхозники островных районов съезжались на научную сессию Академии

наук Эстонской ССР. Только советская действительность сделала возможным такой факт.

Научная сессия была посвящена перспективам дальнейшего развития сельского хозяйства островов. И неудивительно, что послушать ученых, поговорить с ними, посоветоваться приехали колхозники из самых отдаленных деревень острова. Много интересного и поучительного узнали участники научной сессии...

Перед эстонскими учеными стояла огромная и благородная задача — заставить природу островов покориться человеку, служить ему так, чтобы нельзя было назвать ее бедной, скудной, суровой.

Для осуществления этой цели потребовалась большая сила. Десять институтов Академии наук направили на острова своих сотрудников. Институт мелиорации и освоения осушенных земель вел исследование на десятках тысяч гектаров болотной и сильно увлажненной почвы, научные сотрудники Института сельского хозяйства обстоятельно изучали полевые и луговые почвы, пастбища, составляли их подробные характеристики, исследовали агроклимат островов, познакомились с силой и направлением островных ветров. Энтузиасты-животноводы изучали структуру, интенсивность и продуктивность животноводства, занимались вопросами кормовой базы. В десятках сельскохозяйственных и рыболовецких артелей сотрудники Института экономики озерельного хозяйства изучали годовые планы. Работы по исследованию островов успешно вели также и другие институты Академии наук: институты биологии, физики, математики и механики, промышленный проблем. Это по настоянию наступлением по всему острову. Репалась задача многостороннего использования всех возможностей островов. В научно-исследовательской практике эстонских ученых комплексное преобразование природы в таких масштабах рождалось впервые. В теоретической основе всех исследований лежала травопольная система земледелия, разработанная академиком Вильямсом.

Всей этой работой на островах руководил президент республиканской Академии наук, лауреат Сталинской премии И. Г. Эйфельд.

Пити всех этих исследований и были представлены на обсуждение научной сессии академики, с участием колхозников. В своих докладах ученые дали обстоятельный анализ состояния сельского хозяйства и рыбной промышленности острова, показали перспективы развития всех отраслей хозяйства. Ученые оперировали только цифрами, фактами, научно обоснованными выводами, и все-таки перед слушателями совершенно отчетливо вставала картина преобразованной природы островов — такой, какой она должна быть, какой будет.

Шумели лиственной лес, зеленым живым колымом описывали они каждый остров. Прелесть саян — множество цветущих садов полей! На десятки гектаров тянулись овощные плантации, зеленел свежий наряд лугов и полей, тучные колхозные стада паслись на просторных пастбищах...

Удивительна была эта картина, возникшая на месте островов серого камня, но она не являлась фантазией. На бесплодных известковых почвах, действительно, будут высажены леса. Мощные пояса лесозащитных полос встанут преградой на пути северо-западных и юго-восточных ветров. По подсчетам, на островах должно быть высажено 30 миллионов дубов, многомиллионная армия сосны, березы, ясеня, липы и тополя. У пустырей и болот будет отведено для сельского хозяйства около трехсот тысяч гектаров земли для садов, лугов и пастбищ. Исследовательские работы ученых, их опыты показали, что климатические условия островов представляют отличные возможности для развития садоводства — здесь прекрасно могут культивироваться слива, груша, черешня. Ово-

цы культуры дадут богатые урожаи. Уже в ближайшие несколько лет остров станет основным поставщиком овощных семян для материка.

Сельское хозяйство островов превратится в многоотраслевое высокопродуктивное хозяйство. В 1955 году урожай зерновых и картофеля по сравнению с 1950 годом на островах увеличится втрое, а сенокосных трав — в шесть с половиной раз. Это значит, что уже через три года население островов будет полностью обеспечено своим хлебом. Разве можно было даже мечтать об этом в прежние времена! Острова испокон веков считались бесплодными районами.

А животноводство? Головоломно скота по каждой отрасли возрастает здесь в 1955 году в два-три раза. Удой молока сравнительно с 1950 годом будет выше в три с половиной раза. Быстро возрастут доходы островных колхозов. К концу пятилетия они увеличатся в четыре раза, а после осуществления всего комплекса по преобразованию природы — в восемь раз. Основные доходы будут получены от животноводства и новых отраслей хозяйства.

Работы островов превратятся в самые крупные центры улова рыбы в Эстонии. Ошиблись господа буржуазные «ученые», предсказывая островам печальное будущее.

Вот какие выводы сделали ученые, вот из каких цифр и фактов возникает великодушное видение островов в цвету. Недалеко от г. Кингисеппа, в Карья-Пярнамаа, в этом островном опорном пункте Академии наук, вы можете увидеть зачатки этого недалекого будущего. Здесь на много гектаров тянутся молодые вишневые, черешневые сады, насколько хватает взгляда, простираться зеленые поля люцерны. Вы здесь увидите даже абрикосы! Они еще не закрепились на островах постоянными жителями, но закрепятся безусловно, сделаются островной культурой.

Наступление на природу островов идет полным ходом. На десятках тысяч гектаров усыпанных камнями землей работают тракторы и бульдозеры. Ома только Сааремаа МТС в этом году убрала с полей 27 тысяч кубометров камня. Попробуйте представить себе этот каменистый холм! А ведь на островах работает не одна МТС.

На болотах воюют армии мощных машин, направленных мелиоративными станциями: экскаваторы, канавокопатели, землесосы, кусторезы... Во многих колхозах мелиоративные работы уже закончены. В колхозе имени В. Кингисеппа на месте бывшего болота посеяны травы. В этом же колхозе заложен большой сад. Председатель колхоза Владимир Марину, выступая на собрании, посвященном XIX съезду партии, говорил:

— В каждой строке директив по новому пятилетнему плану видна забота нашей партии о человеке. Где бы ни находились наши люди, — в крупном городе или на отдаленном острове, партия заботится о них, думает об их счастье. Все, что относится в директивах к Эстонии, касается нас, островитян. Мелиоративные работы, развитие животноводства, строительство новых рыбообрабатывающих предприятий — все это для нас и намечено! А раз намечено — значит, так оно и будет! Колхоз свой мы сделаем плодородным — это уж без сомнения! Запретят на нашей земле саян!

И ведь говорил это человек из деревни, которая прежде называлась «Кивикюду» — жилище в камнях...

Так новая жизнь меняет судьбу островов и островитян.

Может быть, тот самый крестьянин, от которого я услышал старую сказку о чортовых камнях, рассказывает ее теперь совсем иначе. Пряча лукавую улыбку и шурия помолодевшие глаза, он говорит:

— А Суур Тылл, как видите, вернулся все-таки на наши острова... Теперь счастье навеяло с нами...

ТАЛЛИН

Когда вынешный лауреат Сталинской премии токарь-скоростник Антонина Жандарова впервые встала к станку, некоторое время она не выполняла нормы. А когда дело пошло у нее на лад, начальники участка поставили ее на ответственную операцию, сказав: «Поработай, приглядишь. Надо что-то придумать... Одним мускульным напряжением мы производительности не поднимем — это ясное ясно... Резервы надо искать!»

Послушавшись этого совета, Антонина Жандарова каждый день после смены шла в библиотеку, чтобы с головой погрузиться в чтение. Накопив знания, она внесла первое рационализаторское предложение. Затем родился метод работы Антонины Жандаровой и Ольги Аграфоновой, вызвавший новый подъем социалистического соревнования по всей стране. Но однажды знатная отахановка увлеклась — она попробовала работать, не выключая станка, подвергая себя опасности остаться без пальцев. Жандарову немедленно предостерегли, остановили:

— Кого ты хочешь удивить? — сказали ей руководители завода. — За легкой славой погналась? Да ты что, в Америке живешь? Там на любом заводе плетут из человека, лишь бы больше да дешевле изготовить деталей. А у нас?.. Пойми, Тоня, нам дороже всего твои золотые, умные руки!

Иначе и не могли сказать отахановке. Ведь в нашей стране действуют с о в е т с к и е методы повышения производительности труда: механизация трудовых процессов, внедрение новой техники, уплотнение рабочего дня за счет максимальной экономии времени, наконец, — и это, может быть самое важное, — неуклонное повышение культурно-технического уровня трудящихся.

«Лихорадочный» стиль работы давно осужден партией. Только слабый, беспомощный руководитель в поисках «простейшего выхода» из всех трудностей позволяет себе нарушать наши законы о труде, увлекаться ночными бдениями, отрывая людей от семьи, от культурного отдыха, от учебы. Штурмовщина — удел таких руководителей, которые способны лишь вытирать пот со лба, пока нос не увязает вместо работы о посевном дне и неуклонном повышении производительности труда от объявлении «дней повышенной добычи».

Нина Ивановна Чуй, жена главного инженера шахты «Нежданная» комбината «Ростовуголь», в своем письме «Прошу вас, напишите сатиру!», опубликованном в «Литературной газете» 27 сентября, резко критиковала такой стиль работы. Ее искреннее письмо нашло широкий отклик среди читателей — они одобряют выступление тов. Чуй и дополняют его новыми примерами.

«У нас на заводе положение очень похоже на шахту «Нежданная», — пишет инженер Владимирского тракторного завода имени Жданова тов. Орлова. — Мой муж не первый год работает на заводе, но если раз в месяц он придет с работы в 8—9

часов вечера, я с волнением спрашиваю: «Что у тебя случилось, здоров ли?». И не он один — все начальники ведущих цехов и их заместители, начальники отделов, не говоря уже о главном инженере, работают так... Мне кажется, что работа пойдет это раз лучше, если человек выпустит, отдохнет и придет на завод со свежими силами, если у него останется время книжку почитать. Уверена, что производительность этого только выиграю бы, не говоря уже о здоровье человека, о его семье, о воспитании детей».

О фактах неграмотной организации труда сообщают в своих письмах группа жен руководящих работников цехов металлургического завода имени Дзержинского, жена ответственного работника милиции г. Днепродзержинска Н. Стрельниченко, зоотехник Копеловстрета в Саратове А. Рахтанов и другие. Читатели делают общий и справедливый вывод из этих единичных, но тревожащих фактов: стоит вернуться к нормальному режиму работы, как прекратятся все ненужные деганья и аралы.

«Ноча мой муж, — пишет жена начальника одного из строительных участков в Лодыном Поле, — на настоящие приглашения обещать отвечать по телефону: «Да, да, сейчас!» — и знаю, что это еще ничего не значит. И только когда мне начинаю звонить и спрашивать, где он, я знаю, что он пошел, наконец, из конторы домой. Вкус обед проходит с телефонной трубкой в руке, а суп, конечно, стывает на столе... Все это, действительно, материал для сатиры, но близким людям от такой сатиры не смешно».

Руководитель, не умеющий наладить работу так, чтобы у его подчиненных оставалось время для удовлетворения культурных и бытовых запросов, обычно и сам останавливается в своем культурном развитии и поэтому быстро теряет авторитет.

«...можно порой у нас встретить, — пишет один из наших доблестных читателей, — этого небритого «героя» непролазной текучки, в котором зачастую трудно узнать культуру».

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

ШАХТИНСКИЙ ГОРКОМ ПАРТИИ О ПИСЬМЕ Н. ЧУЙ

Бюро Шахтинского горкома КПСС обсудило письмо Н. Чуй «Прошу вас, напишите сатиру!», опубликованное в «Литературной газете» 27 сентября 1952 года. На заседании бюро присутствовали начальник и главный инженеры шахт, секретари партийных и комсомольских организаций, председатели шахткомов.

Письмо Н. Чуй послужило поводом для большого принципиального разговора о стиле и методе руководства трестом «Шахтантрайт» своими предприятиями, о культуре в работе предприятий угольной промышленности. Все выступавшие на бюро горкома партии не только подтвердили правильность фактов, содержащихся в письме Н. Чуй, но и привели дополнительные примеры плохого руководства шахтами, грубого и безтактного отношения управляющего трестом тов. Полюкова к инженерно-техническим работникам.

Бюро горкома КПСС, говорится в принятом постановлении, считает, что письмо тов. Чуй И. И. и редакционная статья к этому письму, помещенная в «Литературной газете» 27 сентября 1952 года, правильно поднимают вопросы об организации рабочего дня, о повышении политического и культурного уровня инженерно-технических работников шахт, о необходимости постоянного повышения их технических знаний.

Проанализировав причины неудовлетворительной работы шахты «Нежданная», бюро горкома партии от-

метило, что эти недостатки характерны и для других предприятий треста «Шахтантрайт» — шахты имени Красина, Артемовского и Грушековского шахтоуправлений. Управляющий трестом тов. Полюков, указывается в решении горкома, вместо организации устойчивой, ритмичной работы практиковал на шахтах треста «дни повышенной добычи» и «дни повышенной цикличности».

«Таким методом руководства», говорится в постановлении горкома партии, — привели к тому, что инженерно-технические работники вместо постоянного улучшения технологического процесса добычи угля занимались организацией и выполнением оперативных заданий, что привело к ослаблению технического руководства на некоторых шахтах».

Бюро горкома партии обязало руководителей треста ликвидировать эти недостатки. Райкомом партии г. Шахты и партийком парторганами предложено обсудить состояние работы с инженерно-техническими кадрами. Тресту и Шахтинскому райкому союза рабочих угольной промышленности предложено организовать цикл лекций на технические темы, систематически практиковать проведение совещаний и собраний по обмену опытом работы.

Бюро горкома партии указало управляющему трестом «Шахтантрайт» тов. Полюкову на его неправильное отношение к руководящим работникам шахт.

тального человека. Не посидит месяцам театру, кино, не читая книг, он не знает ничего, кроме повседневных обязанностей. Конечно, на озерном совещании где-нибудь в тресте руководители товарищи хмурую его отчитывают: «Почему ты (и обязательно «ты», а не «мы») не делал жизни такой? Ведь раньше ты был куда поинтереснее, живее... А вот если бы поинтересовались эти товарищи жизнью такого инженера, им бы стало ясно, почему он стал хуже работать, почему превратился из живого человека, творческого, преобразовательного, в человека инертного, «деиственного в мыслях»...

А ведь такую перемену замечают не только в коллективе, где ты работаешь, а может быть, еще раньше замечают в семье дети замечают!

Воспитание детей в коммунистическом духе — мы знаем это хорошо — происходит не только в школе, а и в семье. И воспитывает в семье не только мать. Отцы ребенка своим обиходом в часы досуга, в шутках, в совместных воскресных прогулках непрерывно влияют на формирование характера своего ребенка. Как же можно забывать об этой стороне жизни!

«Мой муж за восемнадцать лет нашей совместной жизни», — пишет Ф. Резвина из Липовца, — работал и начальником цеха, и главным диспетчером, и на других ответственных постах. Но он всегда находил время сходить со мной в кино, в театр, почитать, как ребята выполняли уроки, почитать дочку и сына играть в шахматы, поговорить с ними об их учебных делах... Восемнадцать лет подряд семья Резвиных жила нормально и спокойно, как живут миллионы наших семей. И лишь недавно, когда мужа нашей читательницы назначили директором завода, эту семью «заключили». Я думаю, — пишет тов. Резвина, — что муж, как прежде, сумеет организовать дело так, что останется невозможным времени и для семьи. Не получается — ежедневно где-нибудь на собрании. Вот последние недели: из шести рабочих дней — четыре вечера заседания до двенадцати, до часу ночи. Неужели нельзя согласовать все собрания и совещания так, чтобы хоть два дня в неделю коммунист мог уделить время воспитанию своих ребят (или чужих)?

Так с разных точек зрения, с разных жизненных позиций рассмотрели письмо Нины Ивановны Чуй наши читатели. Они выражали свое резкое осуждение неграмотных, еще не способных понять то, о чем со всей отчетливостью сказал товарищ Г. М. Малеев с трибуны XIX съезда партии:

«У руля государства в промышленности и в сельском хозяйстве, в партийном и государственном аппарате должны стоять люди культурные, знающие своего дела, способные внести свежую струю, поддерживать все передовое, прогрессивное и творчески развивать его. К этому у нас есть все возможности...»

Советская общественность не может не поздравить инициаторов дела хорошей организации труда, рачительного расходования часов отдыха, часы общины с семьей и детьми, часы культурного досуга и самообразования наших инженеров и служащих.

НАРОД И КУЛЬТУРА

К вопросу о двух культурах в русской национальной культуре в эпоху поднимающегося капитализма

Гениальные работы товарища Сталина по разложению поставили перед историками немало новых исследовательских задач. К их числу относятся и проблема формирования национальной культуры в эпоху поднимающегося капитализма. В ее составе — вопрос большой важности: как применить ленинско-сталинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре к истории русского национального развития в указанную эпоху. Тут еще много неисследованного и спорного.

Вопрос сложный, потому ограничим своим темой периодом с конца XVIII по середину XIX века — это время отчетливо выявленного развития капиталистического уклада внутри феодальной системы и кризиса последней в конце периода. Период после 1861 года — это эпоха утверждения и развития капитализма как повсеместной общественно-экономической формации. Таким образом, избранное нами время характеризуется процессом разложения феодализма и развития капиталистических элементов. Идет, как учит товарищ Сталин, процесс «сдвигания людей в нацию». Несколько общностей культуры является одним из признаков нации, избранная эпоха характерна и для формирования русской национальной культуры.

Напомним, что в истории России начало развития капитализма, как установившейся формации, отделено от феодализма не буржуазной революцией, а реформой 1861 г. В силу этого вопрос о буржуазной революции, наметившийся еще во время выступления Радичева с его знаменитой книгой (1790 г.) и ясно обозначившийся с началом русского революционного движения в выступлениях декабристов (1825 г.), не был снят с повестки дня. Российский капитализм был столь отягощен феодально-крестьянскими пережитками и столь мирно уживался с самодержавным строем, что буржуазно-демократическая революция оставалась первоочередной задачей в истории России вплоть до начала XX века. Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция, совершив свое основное дело «пролетарии-революционной, социалистической работы», — «сходя, мимоходом», по выра-

жению Ленина, решила вопросы буржуазной революции в России, смета остатки средневековья. Таким образом, развитие русской нации при капитализме протекает в таких условиях, когда вопрос о буржуазной революции в России не только не снят с повестки, но является ближайшей задачей революционной борьбы. Отсюда следует, что борьба с реакционными феодально-крестьянскими элементами в области культуры не только не снимается в пореформенный период, но сохраняет значительную остроту и имеет характер ближайшей задачи.

Борьба двух культур в национальной культуре поднимающегося капитализма понимается иногда, как борьба двух буржуазных культур внутри общенациональной буржуазной культуры. Нельзя согласиться с таким утверждением.

Вдумавшись в мысли Ленина и Сталина по этому вопросу.

«В каждой национальной культуре», — писал В. И. Ленин, — есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящиеся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры».

«Ленин признавал наличие двух культур при капитализме», — указывает И. В. Сталин, — буржуазной и пролетарской... лозунг национальной культуры при капитализме есть националистический лозунг».

Ленинско-сталинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре при капитализме выводит явления народной культуры прежде всего из исторических условий, из условий жизни, в которых живет в изучаемое время «трудящиеся и эксплуатируемая масса», составляющая самый основной, подавляющий по численности

элемент в составе каждой буржуазной нации. Конкретный пример именно этого положения Ленин дал при анализе творчества В. Г. Белинского. Разоблачая гнусную попытку «свохоцев» фальсифицировать дело великого русского критика, революционного демократа, Ленин, как известно, писал: «Лин, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроенных Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостничества гнета? Конечно, зависела, отвечает исследователь марксист. Это же положение прямым образом относится к Терцуеву, к Чернышевскому и Добролюбову. Явления передовой культуры всегда рождаются, как указывает Ленин и Сталин, из условий жизни трудящихся и эксплуатируемых масс и отражают их жизненные, кровные интересы, а не чьи-либо иные».

В силу этого передовая культура служит народу. Изучение ее исторических корней неразрывно связано с историей жизни и борьбы создателя материальных ценностей — трудящегося человека.

В годы Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Глинки, Шелкина Россия великими народными трудами и народной борьбой вымывалась из тысячелетнего феодализма. Из этого устаревшего, разлагавшегося строя, который давил, маял и душил ее развитие, Россия вымывалась именно народными трудами. Производительные силы родины, как всегда и везде, развивали живые люди, но, разумеется, не все люди, а только трудные. Это именно они, еще сами того не зная, обеспечили своими трудами и борьбой продвижение своей родины вперед — к новой формации. В то время как дворянин — владыка именин, вернувшись с субботнего бала, видел на огромной пуховой подушке только самый черный сон, — простой крепостной шахарь уже не первый раз разворащивал соху на скудной крестьянской запашке. Он спешил за восресеньем нарбабить как можно больше, — ведь барин гонял на барщине своих дней в неделю, и только восресенье оставалось для себя. Напряженный труд одного дня в неделю кормил целую семью. Нет, ни барина работала иначе, — «грех» на него так работать. Но рабский Радичев описал эту картину в своем «Путешествии» в главе «Любани» еще за десяток лет до рождения Пушкина.

Далее процесс развития пошел еще быстрее. Сгибая до рассвета спину в кустарной светле, натягивая хлопчатую нить на ткацкий станок в душной мануфактуре, шпала бурлацкой бичевой по волжскому берегу и таща баржу, наполненную хлебом своего же труда, — простой трудовой человек так много работал, что обеспечил родине движение вперед.

Шагая за сохой и миллионнократно проклиная барство дикое без чувства, без закона, трудовой человек был обуреваем одной мыслью: быть вольным! Только бы добыть волюность, перестать быть крепостным рабом. Пугачев осветил пламенем крестьянского восстания чуть ли не пол-России, то там, то тут поднимались деревни в пушкинские и грибоедовские времена. Восставали чужеземные военные поселения, ширилось движение на Дону, волевались гвардейские солдаты-семеновцы в самой столице. Это все простой трудовой человек выдвигался из тысячелетнего феодализма и требовал волюности. Он больше не хотел работать под насильственной лозой неумолимого владыки, склонялся на чуждый плуг, горюствовал бичам, и отдавать дикому барству решительно все и труд, и собственность, и время земледельца. Он не хотел, чтобы для злейшей барина-благотыма в столицу на многих фурах свозили «от матерей, отцов оторженных детей» — его детей! — а потом распродавали поодиночке. Волюность! Это было самое кровное дело народа, а стало быть, и России, ибо Россия, слагавшаяся русской нацией, состояла более всего из трудового народа.

Следовательно, пушкинская тема «волюности», пронизывающая его творчество, грибоедовская тема «свободной жизни», вражда к которой «непримирима», тургеневская тема о крепостном рабе и так далее, — все это была объективно одна и та же кровная тема народа, она являлась реальной объективной исторической задачей и потребностью народа, выросшей в живом историческом процессе. Неполученный голос Пушкина и других писателей действительности был тут «ахом русского народа».

Но мало этого. Простой трудовой человек выдвигался из феодализма, — и феодализм ломался, крошился, разлагался, что вело за собой неисчислимо количество последствий. В их числе был далеко бесспорный рост культурных потребностей и запросов трудового народа. Этот процесс прежде всего неизмеримо расширил горизонт трудового человека, и широкий поток новых впечатлений от обновляющегося бытия хлынул в его сознание. Все чаще раз-

рывался перед крепостным труженником замкнутый круг деревенской околицы. Деревня оставалась за спиной, и «версты посылает» бесконечных, ведущих в города долгов отмиралась крестьянскими запашками. Человек уходил в поисках наемной работы, переступал порог новой фабрики, занимался в селе Иванове с ткацким станком Гандурных и Ивановских, спорил с фабрикантом Мальцевым о числе заработанных в полудню трудовых грошей, мерз «банькой» на перекрестках московских улиц, дворовым лакеем стирал пыль с мраморных статуй в помпезном дворце Юсупова, бранил господ и был в ладах у зимнего костра возле величественного здания петербургского театра. Трудовой человек уже выдвигал взгляд, пошатал по стране, хлынул городского лиха, посмотрел на разную людскую жизнь.

Он уже сам в течение веков, еще до сложения русской нации был творцом высоких культурных ценностей — песен, былин, сказок, пословиц. Его руки строили величественные дворцы, кремлевские башни, храмы, наносили на дерево тончайшую резьбу и позолоту, умело ковали металл, чудесными узорами вышивали по толоте, плели русские кружева. Его чаинья создали пугачевские манифесты и атеистические «ереси». А в XVIII веке его сын, подневольный человек, изобрел «огненную машину» с сознательной целью — облегчить труд простых людей. За Ползуновым и Кулибиным стоит целая вереница гениальных русских первооткрывателей.

Но и это не все. Еще на рубеже столетия тот же русский трудовой человек совершил свой последний суворовский поход, переходя Чортов мост, скакал с альпийских круч русские пушки и каялся в верности легендарному полководцу. И за суворовские походы наконец он немалый опыт. Потом на Бородинском поле он умерла на багратионовых флесах, чтобы не дать Наполеону захватить пушки и повернуть их дулом к русским войскам. Мы видим, что он жил напряженной и богатой жизнью, все умножая свой опыт борьбы и патриотизма. Ходящим днем 14 декабря он не один час простоял на Сенатской площади, все прося величавых господ офицеров и родных сердцу солдат держаться до темноты. А потом под колым дождем картин он бежал по Галерной или к Васильевскому острову через дамочьиные пенснеи лет. Тут было над чем подумать. Чья-то простая рука писала воззвание к солдатам в дни волнений Семеновского полка, а там объяснялось читателю, что дарь — «сыныи разбойник». Многомиллионные массы косели в темноте, трудившая Россия была неграмотной. Но она уже

хотела быть грамотной. Это было важным историческим явлением. Здало бы изучаемого времени гениальный крестьянский сын по доброй воле, по страстному желанию склонялся в холодной избе над арифметикой, а потом пошел за обзором в Москву — учиться и, словам неслыханные претпавствия, поднял на новую ступень и русскую и мировую науку. А сколько Ломоносовых замерло в пути или погибло под бичом крепостника и не дошло до Москвы?

Нельзя сказать, что новые культурные ценности совсем, начисто не проникли в народ. Нет, мы располагаем сотнями примеров, говорящих об обратном. Тут дело не ограничивается воззваниями в дни волнений Семеновского полка и песнями декабристов. Крепостные люди набирали радикалские «Путешествие из Петербурга в Москву», а стало быть, были его первыми читателями. Кучера князя Юсупова никак не могли сыскать на площади перед театром, а князь торопился на бал, покинув оперу перед последним актом. «Де ты был, негодяй?» — накинулся на него князь (виновного веди из райка). «Простите, ваша светлость, я хотел послушать оперу». Разве не видны за княжеским гучером сотни и тысячи любителей пения — хлеборобов и дворян, шляпников, кузнецов и ткачей? И не стоят ли тут в первом ряду незабываемые тургеневские певцы из «Записок охотника», — ведь им-то как хочется послушать оперу! В письме к Пушкину Гоголь рассказывал, что был первым читателем «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я проносился в двери, наборщик, завидев меня, давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стене. Это меня несколько удивило. Я в фактуру, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: шутки, которые дозволили прислать из Павловска для незнания, отчетно до чрезвычайности забавны и наборщик прислал большую забаву. Из этого я заключаю, что и неслыхать совершенно по вкусу черни». Стало быть, простые трудовые люди были первыми читателями Гоголя, и не равнодушными, а жадными, отзывчивыми читателями.

Из крушения замкнутого деревенской околицы малосвободного феодализма, из новых культурных потребностей человека рождалась — объективно — воля народа: понять свою отечественную родину, своим делом, своим трудом охватить именно ту реальную Россию, которая была перед глазами, полями борьбы старого с новым, ш-

Вероника Тушнова — автор, уже ряд лет работающий в поэзии, но не приобщивший к последнему времени своего отчетливого творческого лица, не нашедший своего поэтического голоса. Поэтесса выступила в № 9 журнала «Знамя» с поэмой «Дорога на Клаухор».

«Люди, я люблю вас! Будьте бдительными!» — эти бесмертные слова Фучики Вероника Тушнова могла бы поставить эпиграфом к своему произведению.

В поэме три эпизода: один довоенный, второй, относящийся к дням войны, третий — к нашим дням. Этому членению времени в поэме естественно соответствует и ее развитие к три главы.

В первой — рассказывается о том, как в 1940 году из Теберды через Клаухорский перевал идет к побережью моря группа советских туристов. В гарах советские люди встречают неизвестного им человека:

Широкоплечий, средних лет,
на лбу морщина глубокой след,
блеск просели в короткой стрижке,
бровей колочие кусты,
Глаза пронзительно чисты,
настороже, как у мальчишки...

Встретный путник рекомендует немец-антифашистом, ученым-ботаником, специалистом по альпийской флоре. Выдав себя за мученика гестапо, он находит легкий путь к сердцам и душам: люди шедшие на доверие. Но это доверие жестоко и коварно обмануто. «Специалист по альпийской флоре» оказывается матерым фашистским шпионом. Его задерживают советские пограничники, и путник чувствует горький стыд за свою наивную доверчивость.

А затем — во второй главе поэмы — начинается война с ее труднейшими испытаниями. Снова Теберда. Вероника Тушнова рассказывает нам об одном из чудовищных преступлений немецко-фашистской армии — уничтожении группы больных советских детей, оставшихся в тебердинском санатории и попавших в руки врагов. В страшный путь через перевал под руководством старика-врача и санитарки Паши уходит, лица спасения, другая группа больных детей.

Холод, ветер...
По ущельям гулким
рев осенних, вьюжных лиан рек...
То и дело жалкие фигурки
падают, проваливаясь в снег.

Впереди, светясь синим млечным,
грохотом валом нависают льды...
В плотный снег влечутся навечно
детские, неверные следы.

И при воспоминании об этом мучительном ледяном походе через горные кручи перед мысленным взором автора снова встает тот человек в потрепанной панаме, тот шпион и диверсант, которому тогда, в предвоенный год, так слепо и доверчиво протянули руку дружбы советские туристы. Он встает, как напоминание о необходимости быть бдительными, как образ «ворота», которого доверчивые люди впустили в свой советский дом. Пусть того конкретного фашистского шпиона поймали и обезвредили, но кто поручится, что рядом с ним не бродили по дорогам Советской страны другие злобные тени дотоубийц, поджигателей, отравителей?

И вот третья глава — наши дни. Стала почти взрослой дочь автора, и вместе с ней идут они — мать и дочь — в далекий туристский поход по тому же довоенному маршруту, вдоль Теберды, к Гюнахирскому ущелью. Уже далекий прошлым кажется все пережитое в военные годы. «Былого грядущие черты, и станет более слабым рапсодом», — но снова и снова в сознании и в сердце советской матери звучит тревога, боевая тревога бдительности. Как незлыда было уместно напоминание автора, что там, за океаном, «стоимильный выдан чек» — выдан на черные дела шпионажа, диверсий, провокаций. И зловещий облик наемного соглашателя, «лазутчика лагеря

войны», вновь напоминает о том человеке в потрепанной панаме, который с такой немужемостью запечатлелся в памяти героини поэмы с предвоенных лет.

«...он идет сплунки в пути,
бездумных, легковесных шипет,
но он не должен их найти!»

И, как эстафету молодому поколению, передает Вероника Тушнова завет бдительности:

Я повторю их, не смывая,
рассказа трудные слова,
Блеснут ребяческие слезы
в глазах внимательных твоих...
Не плачь!
О мертвых плакать поздно,
боротись надо за живых!

Такова поэма Вероники Тушновой в ее сжатом и повелевом обобщении. Автор не сбивается на риторику, на фразеологическую «словесность». Ее стих емкий, изобразительный и по счастью лишен тех пустот, того многословия, которые, к сожалению, стали чуть ли не типовым признаком многих современных поэм. Авторы таких произведений, в изобилии появляющихся на страницах печати, утратили понятие о дисциплине формы. Им кажется, что поэма — это безграничный лирический монолог, растягивающийся, как резинка, до любых размеров и вмещающий что угодно, за исключением собственно сюжета. Такие авторы забывают, что прелесть поэмы «Медный всадник», «Полтава», «Мцыри» или «Мороз, Красный нос» в значительной мере состоит в сознательном самоограничении поэта рамками определенного сюжета, определенной темы. В этом — источник бесмертной энергии классических поэм русской литературы. Задача художника слова, как и задача скульптора, высекать фигуру из мрамора, заключаясь в отсечении всего лишнего.

Как выявляется суть, идея произведения, которая должна предстать перед читателями не голым скелетом, а с мускулами живых подробностей, но без всяких расслабляющих излишеств. Неумение или нежелание следовать этому замечательному правилу часто, увы, слишком часто, ведет наших стихотворцев к тому, что, пасуя перед трудностями жанра поэмы, они либо подменяют ее строгостью и последовательностью расплывчатым лирическим монологом, либо — что еще хуже — пытаются выразить многообразие и сложность темы, создавая так называемые «циклы». Будем говорить прямо и откровенно: за последние годы появились «циклы» — часто не что иное, как нагромождение однообразных, повторяющихся друг друга стихов. Часто читаешь такой цикл и недоумеваешь, зачем автор публикует по два, три, а то и четыре и пять вариантов на одну и ту же тему. Да к тому же варианты черновы. А прощайте это по одной причине — из-за неумения экономить слово, из-за неумения приложить стику музыкальность, из-за композиционной неорганизованности.

Вероника Тушнова в своей поэме «Дорога на Клаухор» действительно сумела отсечь все лишнее. В этой вещи нет лишнего многословия, лирической разжиганности. Это — радушие читателя достигшие.

К числу художественных достоинств поэмы следует отнести и ее язык — точный, ясный, лишенный притвистской выразительности. «Грозный блеск зеленой топи льда», — это сказано определенно и зримо.

Скалстый коридор глубокий,
на диких кручах пихты виснут,
орешками стенами стиснут,
да лже беснуется поток...

Здесь тоже все описано кратко и с ясностью, которая свидетельствует, что автор заимствовал свой образ не из книг, а из жизни. Подлинным темпераментом, подлинной внутренней поэтической энергией отмечены в поэме и строки совсем

потому, что понял, что они возникли. Он выразил глубинные народные нужды и чаяния, всеобщую восторженность, крик души тиранима мира: «Треначе!», призыв поработенных: «Встаньте, падшие рабы!», создав первую в русской литературе широкую лирическую тему свободного человека. Это положение вовсе не признается для объяснения решительно всех особенностей пушкинского творчества. Но тут — основной, самый глубокий исторический корень, его питательный.

Таким образом, Пушкин и другие творцы русской национальной культуры создали великие общенародные ценности и отразили в них объективные потребности широчайших русских народных масс. Да, эти массы были темны и неграмотны, задалены царем, забыты помещиками. Они не могли прочесть творения великих поэтов и писателей, шедших навстречу кровным требованиям русской народной жизни. В этом и было глубочайшее противоречие эпохи. К переходу национальной культуры, откладывавшейся на нужды народа, пробывавшей немногие представители трудовой массы. Но это ничуть не меняет основного: переходная культура объективно вырастала из нужд народа, нации.

Хотя многие выдающиеся деятели культуры этого периода принадлежали к дворянскому сословию, отсюда никак не следует, что в объективной исторической функции их творчества они занимали интересы помещичьего класса. Нет, их художественное творчество — объективно — работало в историческом процессе против классовых интересов дворянства, против крепостного угнетения, против сословных привилегий помещика, против бюрократического, омертвляющего, антинародного самодержавно-крепостного строя. В их творчестве наличествовали, конечно, классовые особенности, ограничивавшие их передовое мировоззрение. Классовая ограниченность препятствовала им идти до конца в справедливых требованиях, подчас мешала с полной отчетливостью видеть действительность. Но понимание этого не должно затмевать главнейшую, ведущую роль передовых русских писателей и других деятелей культуры, как борцов против старого, за победу нового.

Итак, переходная культура служит народу. Поэтому она никак не может быть названа непосредственной культурой буржуазии, т. е. эксплуататорской буржуазной культурой. Она в изучаемое время принадлежит буржуазной эпохе, она является демократической культурой эпохи капитализма, но отсюда никак не следует, что она принадлежит буржуазии, как полагают некоторые советские историки. Ведь, согласно учению Ленина — Сталина, в каждой национальной культуре существует культура «трудящейся и эксплуатируемой массы», условия жизни которой порождают передовую для данной эпохи идеологию. Передовой культуре противостоит культура эксплуататоров данной эпохи. В условиях России в процессе борьбы за буржуазную революцию не сложилось революционной буржуазии. Какие бы слои «за форму и меру уступки» ни прощались в лагере эксплуататоров, он в России изучаемого времени не раскололся на революционную буржуазию, тегемона буржуазной революции, с одной стороны, и лагеря помещичье-крепостнической реакции с другой. Русская буржуазия составила вместе с феодальными эксплуататорами в основном единый лагерь, всего более бывший революцией. Отсюда — необходимость изучать русскую революционную «культуру» как продукт сплетения элементов передовой буржуазии с помещичьими феодальными элементами. «Культура» именно этого лагеря работала как подстройка к пользе старого общественного строя, стремилась сохранить его устои. Передовая же демократическая культура работала против этих устоев, поддерживая новое в историческом процессе, содействовала его неодолимости.

Ясно, таким образом, что вопрос об историческом происхождении основной тематики, основного идейно-художественного комплекса чего-либо выдающегося культурного творчества — самостоятельная проблема и не совпадает с вопросом, доходила ли реально передовая культура до трудовой читателя эпохи. Она мало доходила до того, кому была предназначена, но в основном предназначена она была именно для него. Темнота и неграмотность трудовых людей трагической и непреодолимой для того времени преградой стояли между народом и передовой культурой. Если очень многие уже хотели уметь читать, то умели читать немногие. Но все же — умели и читали. Процесс разложения феодализма, несомненно, был одновременно процессом культурного наделения для народных масс. Матроски, называя знавшие стихи Бестужевы и Рилева, не только знали их наизусть, но хранили в копилку. Тысячи патриотов сигналам запрещенного царем «Горь от ума», и оно распространялось по всей России вопреки воле царизма. Пушкинских стихов в копиях столько было в армии, что это самих

декабристов удивляло. Пятьдесят тысяч человек пришли к гробу Пушкина, несмотря на то, что царь окружал тайной его погребение. Царь принял меры именно для того, чтобы не вызвать отклика народа, — а народ все шел и шел. Среди этих людей были и «простодушные в дурацкой», некоторые даже в лохмотьях, ученики, женщины, дети. Друг Пушкина Мецкерская-Карамзина сама нашла правительственные слова для события: она сказала, что Пушкину воздали «слабейшие почести». Ведь были же среди этих добровольно принятых ко гробу «простодушных» читатели Пушкина! Пушкин при жизни глубоко и точно уловил это замечательное явление — первичный приход к нему простого читателя из народа:

Блажен в златом кругу вельмож
Пит, внимаемый царями...
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы.
Меж тем, за тяжкими дверями,
Тесняя у черного крыльца,
Народ, гонимый слугами,
Подполье слушает певца.

Народ и слушал своего певца, — правда «подполье». Но отсюда следует существенный вывод: этот читатель из народа был все же реальностью пушкинского времени. Следовательно, пророческое предвидение Пушкинского «Памятника» было предвидением, основанным на реально наблюдаемом процессе, хотя и слегка обобщившемся:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

В 1944 году по постановлению ЦК КП(б)У и правительства УССР на Украине было создано театральное общество. Это общество призвано объединить всех творческих работников театров Украины, помочь им в создании высокохудожественных, художественных спектаклей. За время своего существования общество проделало значительную работу. Были организованы сотни встреч мастеров искусства с трудящимися, проведено немало конференций... творческих вечеров и научных докладов. Осуществляется издательская работа.

Однако деятельность театрального общества в значительной мере тормозится отсутствием мало-мальски пригодного помещения. Президиум с аппаратом в 25 человек, Дом актера и библиотека размещаются в небольшом помещении. Об «укомплектовании» этого помещения не приходится и говорить. Например, научно-творческий отдел занимает проходную полутемную комнату, где дежурят сотрудники ввиду научной и методической работы.

В то же время на площади, принадлежащей Украинскому театральному обществу, в трех комнатах проживают жильцы, никакого отношения к обществу не имеющие. Еще 11 сентября 1945 года СНК УССР принял решение, обязывающее Киевский городской Совет депутатов трудящихся обеспечить помещение для театрального общества. Горсовет вынес соответствующее постановление. Но время идет, а постановление не выполняется.

На все напоминания, распоряжения, указания горсовет отвечает заявлениями, обещаниями, новыми постановлениями, но никаких действительных мер не предпринимает. 31 декабря 1951 года горсовет заявил: «Отселение жильцов из дома № 14 по ул. Ворошилова, арендованного Украинским театральным обществом, может быть осуществлено в первой половине 1952 года». Наступил ноябрь 1952 года, а заверение до сих пор остается невыполненным.

Украинское театральное общество должно, наконец, получить пригодное для работы помещение. В этом кроется заинтересованы тысячи работников искусства Украины.

Народные артисты СССР
А. БУЧМА, Б. ГМЫРЯ,
Ю. ШУМСКИЙ

Подготовка к юбилею
Андрея Упита

РИГА. (Наш корр.) 5 декабря исполняется 75-летие со дня рождения выдающегося латышского писателя Андрея Упита. Общественные республики широко отмечают этот юбилей.

Институт языка и литературы Академии наук Латвийской ССР провел в Валмиере выездную научную сессию, посвященную творчеству народного писателя. Участники сессии прослушали доклады на темы: «Андрей Упит и русская литература» и «Отражение революционного движения в творчестве А. Упита».

Большой интерес вызвала юбилейная выставка, открытая в Государственной библиотеке Латвийской ССР. Здесь представлено около 200 книг А. Упита. Знакомство с выставкой дало яркое представление о многообразии и плодотворности творческой деятельности писателя.

Здесь и цикл романов о Робекке, и литературно-критические труды, и переводы на латышский язык произведений Пушкина, Грибоедова, Гоголя.

За годы советской власти в Латвии в 20 томов собрания сочинений А. Упита. За это же время писатель создал два крупнейших произведения — «Земля зеленая» и «Проблеск в тумане», рисующие историю борьбы латышского народа за свою свободу в конце XIX — начале XX века.

На днях выйдет в свет юбилейный сборник, посвященный творчеству А. Упита. Сборник подготовлен Союзом советских писателей Латвии совместно с Институтом языка и литературы Латвийской академии наук и содержит статьи В. Ладиса, А. Григуляса, К. Краулинша и других.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В 1944 году по постановлению ЦК КП(б)У и правительства УССР на Украине было создано театральное общество. Это общество призвано объединить всех творческих работников театров Украины, помочь им в создании высокохудожественных, художественных спектаклей. За время своего существования общество проделало значительную работу. Были организованы сотни встреч мастеров искусства с трудящимися, проведено немало конференций... творческих вечеров и научных докладов. Осуществляется издательская работа.

Однако деятельность театрального общества в значительной мере тормозится отсутствием мало-мальски пригодного помещения. Президиум с аппаратом в 25 человек, Дом актера и библиотека размещаются в небольшом помещении. Об «укомплектовании» этого помещения не приходится и говорить. Например, научно-творческий отдел занимает проходную полутемную комнату, где дежурят сотрудники ввиду научной и методической работы.

В то же время на площади, принадлежащей Украинскому театральному обществу, в трех комнатах проживают жильцы, никакого отношения к обществу не имеющие. Еще 11 сентября 1945 года СНК УССР принял решение, обязывающее Киевский городской Совет депутатов трудящихся обеспечить помещение для театрального общества. Горсовет вынес соответствующее постановление. Но время идет, а постановление не выполняется.

На все напоминания, распоряжения, указания горсовет отвечает заявлениями, обещаниями, новыми постановлениями, но никаких действительных мер не предпринимает. 31 декабря 1951 года горсовет заявил: «Отселение жильцов из дома № 14 по ул. Ворошилова, арендованного Украинским театральным обществом, может быть осуществлено в первой половине 1952 года». Наступил ноябрь 1952 года, а заверение до сих пор остается невыполненным.

Украинское театральное общество должно, наконец, получить пригодное для работы помещение. В этом кроется заинтересованы тысячи работников искусства Украины.

Народные артисты СССР
А. БУЧМА, Б. ГМЫРЯ,
Ю. ШУМСКИЙ

Подготовка к юбилею
Андрея Упита

РИГА. (Наш корр.) 5 декабря исполняется 75-летие со дня рождения выдающегося латышского писателя Андрея Упита. Общественные республики широко отмечают этот юбилей.

Институт языка и литературы Академии наук Латвийской ССР провел в Валмиере выездную научную сессию, посвященную творчеству народного писателя. Участники сессии прослушали доклады на темы: «Андрей Упит и русская литература» и «Отражение революционного движения в творчестве А. Упита».

Большой интерес вызвала юбилейная выставка, открытая в Государственной библиотеке Латвийской ССР. Здесь представлено около 200 книг А. Упита. Знакомство с выставкой дало яркое представление о многообразии и плодотворности творческой деятельности писателя.

Здесь и цикл романов о Робекке, и литературно-критические труды, и переводы на латышский язык произведений Пушкина, Грибоедова, Гоголя.

За годы советской власти в Латвии в 20 томов собрания сочинений А. Упита. За это же время писатель создал два крупнейших произведения — «Земля зеленая» и «Проблеск в тумане», рисующие историю борьбы латышского народа за свою свободу в конце XIX — начале XX века.

На днях выйдет в свет юбилейный сборник, посвященный творчеству А. Упита. Сборник подготовлен Союзом советских писателей Латвии совместно с Институтом языка и литературы Латвийской академии наук и содержит статьи В. Ладиса, А. Григуляса, К. Краулинша и других.

Эффекты КАПИЕВ

Пятнадцать лет назад, 23 ноября 1937 года, умер один из замечательнейших поэтов Советского Союза, народный поэт Дагестана Сулейман Стальский. Уроженец маленького лезгинского аула Ашага-Стала, сын бедняка, Сулейман еще до революции прославился своими песнями, беспощадной сатирой на богатых и мullah. Полный расцвета творчества С. Стальского достигло в годы советской власти. Уже в 1920 году, а дни приезда в Дагестан товарища Сталина, Сулейман посетил великого вождя вхождением в дом:

К нам в этот день пришел тот,
Кто всем — движение вперед,
Кто выстоял наш народ,
Кто радости залог чудесный.

Старший поэт Дагестана, Сулейман Стальский был участником первого Всесоюзного съезда советских писателей. Горький назвал его Гомером двадцатого века. Образ этого удивительного человека запечатлен в своей книге «Поэт» безмерно умерший писатель Эфенди Капиев. Ниже мы печатаем один из рассказов Э. Капиева о Сулеймане Стальском, который до сих пор нигде не был опубликован.

Вместе с Сулейманом ордена получили молодые краснофлотцы-дальневосточники. Сулейман сидел среди них за длинным столом, скромно, но с достоинством, поджав руки на носок, тяжело мигая глазами. Иногда он поднимал руку и клал ее ладонью на стол, стараясь придать этим незначительным жестом своей позе. Но тогда он с трудом удерживал дрожание пальцев. Загорелые лица моряков, их широкие бушлаты с блестящими пуговицами, молодые, могучие плечи, и среди них тиньдущий седой поэт в лезгинском стеганом бешмете — это было восторженно знаменательное совпадение.

Калинин говорил о военной молодежи, об отличниках боевой подготовки, о славных пограничниках Дальнего Востока. Потом он говорил о народном творчестве, о маленьком племенном горце, которое возродилось, о Дагестане, когда-то нищей колонии царизма, о поэте Сулеймане, неграмотном, но мудром старце, прославленном летом, благородном представителе своего народа. И, принимая орден, Сулейман ответил Калинин песней. Он сказал, что пятьдесят лет, прожитых им до революции, не стоят и пяти минут сегодняшней жизни. Сказал, что он подобен заржавленному и зарытому в землю старому оружию, которому партия и советская власть придала силу, блеск и остро отточили.

— Оно наравне с другим, молодым и грозным оружием, — сказал он, указав на краснофлотцев, — будет висеть на поясе у народа, готовое к походам и к праведным боям за родную власть.

Потом он направился к столу с орденом в руке твердой, медленной походкой. Вернувшись в гостиницу, Сулейман несколько минут молча сидел на краю дивана. Потом он очутился и спросил, куплен ли билет, потребовал немедленно отвести его на вокзал. Мои уговоры были тщетны. Он смотрел на меня, поджав голову, свысока, оттопырив уши. Он ударил посохом об пол... Поход отходил ночью, но еще засветало мы были на вокзале. Распахнул свою позу, молочного цвета шубу и засунул левую руку в карман (это для того, чтобы мохнатая пола шубы оттопыривалась и орден был весь на виду). Сулейман величественно прошелся по перрону взад и вперед. Андрей на исходе, но по нотам еще подмаривался. Я осторожно сказал Сулейману, что шубу надо бы застегнуть, иначе он, только незаметно выйдя из больницы, может простудиться вторично. Но Сулейман не удостоил меня даже взглядом и прошелся упрямо и звонко, так, чтобы все слышали, ударяя посохом о цемент перрона. Из рта и поодер его шел цар, он кричал от холода.

Вернувшись ко мне, он сказал: — Наверное, Габиб, эти люди думали: какой неказистый старик, а имеет орден Ленина. Кто он, интересно бы узнать?

На какой-то многолюдной станции он встал и внимательно следил за прохожими. Ни у кого из них не заметив ордена, он важно отходит от огня и, сев на свое место, неожиданно молодцевато надевает папаху набекрень.

— В Дагестане был один старик, — говорит он, покачиваясь и скрывая радостную улыбку. — Как ты думаешь, юноша, получи он орден или не получил?

— Получил, — говорю я. — То-то, — отвечает Сулейман и вдруг, нахмурился брови, закурирует из кيسета. Закурив, он умолкает надолго. Он сидит все так же, в своей любимой позе, немного наклонив вперед и скрестив ноги, обутье в нестерпимо жесткие туфли. Локти его свободно лежат на коленях. Идет, поднимая голову, он безразлично, издали смотрит в окно.

— Мои соседи будут, наверное, рады, что я орден получил, — говорит он как бы сквозь дремоту.

— Почему? — спрашиваю я. — А как же! — говорит Сулейман, отрывая глаза.

Поход ускоряет ход. Колеса стучат на стыках все неистовей. Сулейман опускает голову и задумывается. А по обе стороны пути лежит его Родина, великая Родина трудящихся. И птицы падают навстречу поезду в комок поете. И полая зыбь весенней воды, затуманенной и светлой, как воспоминания детства. (Заметать: в ней всегда отражаются белые облака и видна земля, прорастающая чистой травой...)

Сулейман поворачивает голову к окну. За окном в медленном ритме кружатся города. Города выливаются из весенней мглы, покачиваясь, как корабли в море. Их много. Сулейман оглядывает их чуть прищуренным хозяйским оком и, может быть, думает о Родине, о бесмертии...

В одном из обычных советских городов поезд вырывается в бурю знамен — все пассажиры бросаются к окнам вагонов. — Что это такое? — говорит Сулейман, отшатнувшись от двери. Он стоит бледный, не решаясь сойти на землю, и губы его дрожат. Оркестр играет «Интернационал», на перроне из конца в конец выстроился почетный караул войск, площади и улицы заполнены народом. Сулейман выходит из вагона, и вдруг его взгляд падает на знакомый портрет на арке. Это увеличенная до огромных размеров та самая фотография, где Сталин приветствует Сулеймана на совещании, приложив руку к груди. Громовое эхо перекатывается через вагоны.

— Ура Сулейману! Да здравствует Сталин! — источник счастья трудового народа!

Тогда Сулейман закрывает лицо рукавом и плачет. Его ладут под руки представители народа, медленно поднимаясь по лестнице в город. Там, наверху, на широкой площади, ждет его народ, и народ обнимает плачущего Сулеймана, как отец сына. Потом Сулейман сидит в уборной цветной машине, и машина бешеном плывет по аллее знамен. Из окон доносится букеты, и цветы падают на колени Сулейману.

— Они, черти, — говорит Сулейман, — пассажиры эти, наверное, думали, что с ними из Москвы ехал большой начальник, а того не знали, что это некий батрак, всю жизнь батрак Сулейман Стальский!

Обильные слезы текут по лицу Сулеймана. Он не вытирает их больше, не опускает головы. Это слезы, которых не стыдится...

рокая, разнообразная, своя. Нужно было понять ее людей, ее сословия, ее дворянский строй, — и Петербург, и ларинскую усадьбу — размыслить над судьбой родины. Надо было понять и природу единой родной страны, такую богатую и разную. Так в глубине исторического процесса рождалась новая культурная жизнь народа — представлять себе всю родину в целом, принять в сердце ее просторы, осознать всю картину русской общественной жизни от ларинской усадьбы до Петербурга, от пригородной Одессы до безземельной Москвы. Нужна была картина русской жизни. Пушкин ответил «Евгением Онегиным». Таким образом, поэма эта стала нужна русскому человеку не после того, как была сочинена: нет, она была нужна ему до того, как она появилась, а появилась именно потому, что была нужна. Позже Лев Толстой ответил на ту же потребность картинной русской жизни и в «Анне Карениной», и в «Воскресении», и в «Войне и мире». Ведь все время нужно было обновленное удовлетворение этой потребности, ибо жизнь шла вперед.

Стало быть, культурная народная потребность видеть в художественном воссоздании картину русской жизни возникла в историческом процессе тогда, когда стала рушиться феодальная замкнутость старых крепостных деревенских миров, когда страна стала действительно целостной, единой, иначе говоря, тогда, когда завершилось создание нации, представляющей собой общность русских людей.

На переходе от феодализма к капитализму рождалось вместе со всем этим обостренным чувством нового понимания себя самого, своих справедливых человеческих требований, поправных феодализмом человеческих прав. Эти права человека поднимались и угнетались при феодализме душной миром забытой семейной патриархальности и церковной идеологии. Отсюда — пушкинская, гребневская, дерюмовская лирическая тема — право на любовь, на свободу решений, на свободу разума, на личную честь. Уважение к человеку! Он теперь по-новому начинал понимать себя. Большей силой противопоставлялась сила человеческого юма, который даже писался в рукописях наших писателей с большой буквы. Сословный привилегии противопоставлялась мысль о равенстве человека человеку.

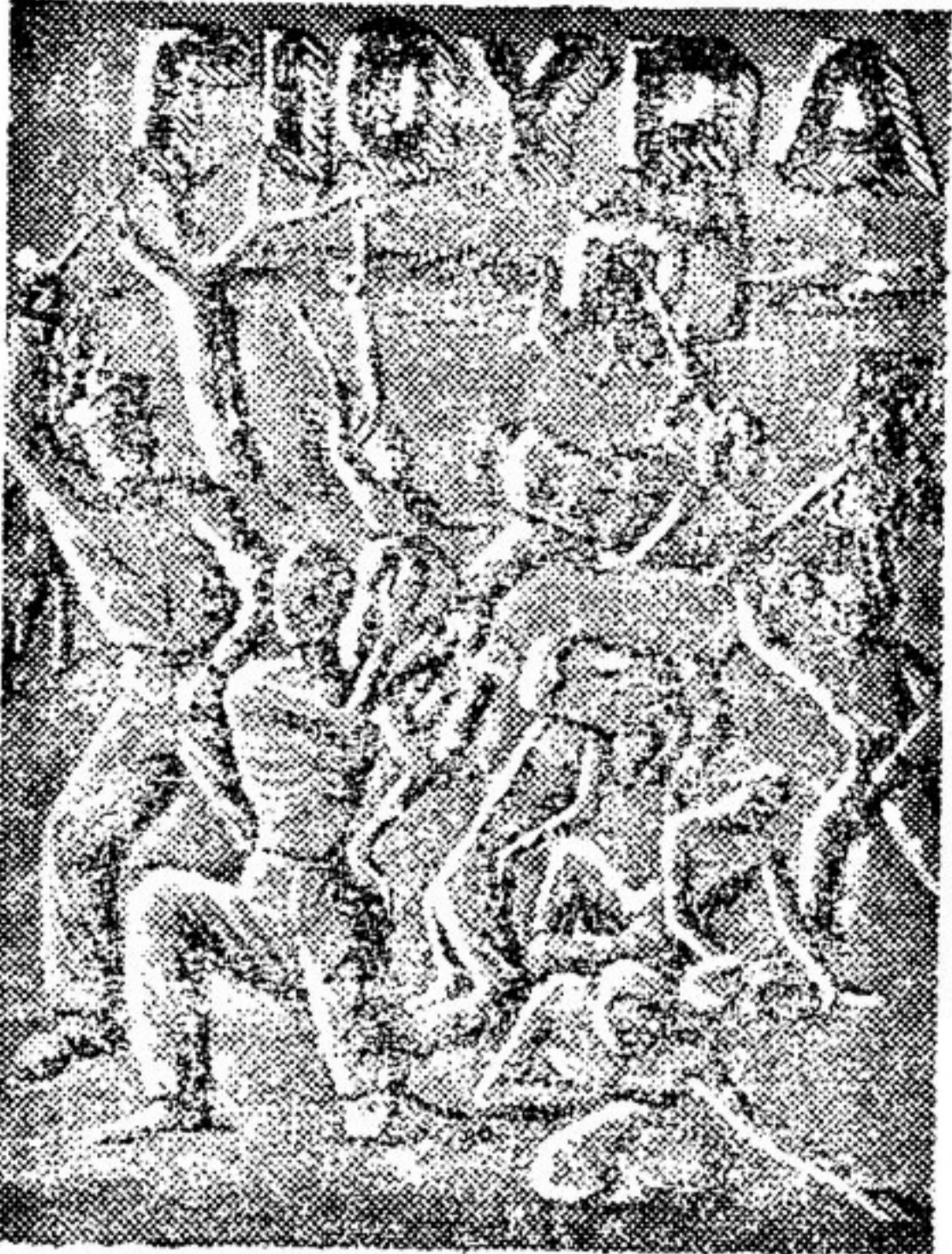
Таким образом, ведущие темы пушкинского творчества и творчества других великих деятелей русской культуры рождались объективными потребностями исторического развития. Они выросли из глубин народной жизни. Они возникли не потому, что Пушкин был гением, нет — он был гением

между собой всеми нитями экономики, как части единого капиталистического общества. Буржуа не могут жить и обогащаться, не имея в своем распоряжении наемных рабочих, крестьян не могут продолжать свое существование, не имея доступа к капитализму. Товарищ Сталин указывает на то, что «...классовая борьба, как бы она ни была отяжелой, не может привести к распаду общества». В силу этого и борьба двух культур в русской национальной культуре в эпоху поднимавшегося капитализма, несмотря на всю ее остроту, не приводила к распаду буржуазной нации, пока существовал капитализм.

По когда капитализм пад под ударами Великой Октябрьской социалистической революции, — рухнет и буржуазная нация. Рухнула вместе с ней и упала и недобрая прошлая и вторая — реакционная — культура эксплуататоров. Обобщившись таким образом элементы передовой культуры — демократической и социалистической, выработанные еще ранее победой Великого Октября, — оказались тем великим наследством, от которого мы не отказываемся. Оно и ранее было нужно и теперь нужно народу. Это наследство мы перемещаем, поднимаем на новую ступень и обогащаем, оно — наше достоинство. Лишь после Октября народ получил то, что принадлежало ему по праву, овладев полностью богатствами передовой культуры.

Двигающийся вперед историей простой трудовой человек отнесал себе — в чине многих человеческих прав — свое право на передовую культуру русского народа. Потому радическое нахара — человек с ружьем у котра в дворе (Смоляков, занесенный под руководством протариата и его партии новую жизнь, — отнесал и своего Пушкина. Прарануток того матроса, который стоял и мятелем каре на Сенатской площади, пошел менее чем через столетие под руководством протариата на штурм Зимнего дворца и, сокрушая старый мир насилием и эксплуатацией, отнесал свое право читать Горького и Толстого, смотреть на картины Репина, слушать музыку Глинка и Чайковского. Социалистические нации, возникшая на различных буржуазных наций, отбрасывают реакционную культуру и получают в наследство, творчески используют ценности передовой демократической и социалистической культуры нашего прошлого.

ОСТРОВ ЮРА — ГРЕЧЕСКИЙ КОЧЕЖЕДО

«Каторжный труд». (Обложка книги «Юра»)

ОБЪЕМНЫЙ том в 600 страниц большого формата, написанный тысячами греческих патриотов, которые томатся на острове Юра, прошел через заградления из колючей проволоки, чтобы рассказать человечеству правду об этом острове смерти, где находится «сгусток всего преступного, что было создано гитлеровским фашизмом и англо-американскими современными варварами».

Эта книга затолпана иллюстрирована и оформлена. Когда ее рукопись попала в руки свободных людей, то ей нехватало только одного, чтоб стать книгой... — быть отпечатанной. Кажется, что единственной заботой этих мучеников в аду, где они находятся, было — сделать так, чтобы остались меньше работы над книгой для тех, кто находится на воле.

Трудно, а может быть, и вовсе невозможно найти вторую такую книгу в библиотеках мира. И не только потому, что она рассказывает о зверствах на греческой земле, ничем не отличающихся от тех, которые творят американские изверги на далеком корейском острове Кочжедо, но еще и потому, что история создания этой книги является поистине героическим подвигом, потребовавшим столько же мужества и воли, сколько требует борьба, о которой повествуется на ее страницах.

В предисловии один из составителей этой горестной летописи — неизвестный мученик-заключенный пишет:

«История создания этой книги взволновала каждого. Четыре тысячи людей послали четыре тысячи рукописей. Такого сгустка ужасов не может представить себе воображение человека... Мы видели следы слез или капли крови на клочках бумаги, и слезы выступали на наших глазах. Быть может, эти слезы, оставленные истерзанным от пыток борцом или тем, чьи легкие изъедены туберкулезом...»

Чем больше читаешь эту книгу, в названии которой всего одно слово — «Юра», тем больше узнаешь о том, в каких муках она создавалась. Руки ее бесымянных авторов, разбитые толстой дубинкой палача, порой были бессильны донести кусок хлеба до рта, но брались за перо. Люди, которые целые ночи бодствовали, вынуждаемые палачами стоять под дождем или на холоде с поднятой ногой, ожидали момента возвращения в свои палатки не для того, чтобы лечь и забиться сном, а начать писать. Сами герои книги стали ее авторами. И кто может усомниться, что один из ее рисунков, изображающий повешенного к дереву, не является автопортретом самого художника этой хроники мучений.

Если ты хочешь стать кем-то, то имей мужество сделать что-нибудь такое, чтоб быть достойным ссылки на остров Юра...

Эти стихи написаны впадять столетий тому назад римским поэтом Ювеналом, в те

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Датская газета «Политикен» 21 сентября 1952 года поместила объявление копенгагенского магазина Рейберга, рекламирующее новую игрушку в «американском духе». Приводим это объявление:

«НАРУЧНИКИ ШЕРИФА. Новая и увлекательная игрушка для всех маленьких героев-ковбоев», совершенно безопасная для «сердца» — 4,85 кроны. Заказывайте в провинции — допускается оплата почтовыми марками плюс стоимость пересылки — выполняются без промедления». Комментарий излишний!

Добавим лишь следующее: вырезку из газеты «Политикен» нам прислал читатель «Литературной газеты» из Дании. В письме в редакцию он пишет: «Я предполагаю, что такое объявление подходит для вашего отдела «Комментарии излишни». Оно дает представление о том, как датские реакционные силы пытаются «американизировать» детей».

годы, когда правители Римской империи использовали этот остров для истребления своих политических противников. На Юре нет воды, нет растений, кроме жалких кустарников и двух-трех деревьев. Единственный след того, что остров когда-то был обитаем, — это остатки могил 80 тысяч политических противников Рима, сохранившиеся только потому, что в последние века здесь никогда не селились ни люди, ни животные.

И вот после 20-векового перерыва Юра начинает снова свою историю — историю смерти и кровавых кошмаров...

«Внезапно заключенного забирают из местной тюрьмы и, даже не дав ему проститься с кем-либо из родственников, перебрасывают на о. Юра... Сопровождающие заключенного жандармы никакими выкрутками его на берег. Прежде чем притти в себя, он получает первый удар дубинкой по голове. Затем следуют пины, удары дубинками. Их наносят стражи, выстроенные в два ряда. Чувствуя, что кровь хлынула из носа, изо рта. Вокруг раздаются дикие голоса. Вопли. А потом наступают обморок».

Так описывается в книге «прием» со сланных. Рассказ о нем повторяется на многих страницах. Ведь со дня основания лагеря, с 1947 года, в течение пяти лет сюда были переброшены несчетные тысячи людей. На этой скале, вдали от мира, где шум моря и ветра заглушает человеческие голоса, монархо-фашисты надеялись запечатлеть позорные «дядосы» от греческих патриотов.

Лагерь, созданный на острове Юра на «научной основе» (явно заезжанское происхождение), является поистине дантовым адом с бесчисленными кругами пыток, начиная от невыносимой жажды, которая становится более мучительной после чашки соленого и грязного утреннего чая, и кончая прививками заключенным сифилиса и других болезней путем инъекций. Цепь преступлений и пыток бесконечна. Это прежде всего каторжный труд, бессмысленные работы, превращающие человека в телесную тряпку, чтобы легче было превратить в тряпку его сердце. С утра и до вечера заключенных, нагруженных тяжелыми камнями и мешками песка, заставляют под палачим солнцем и под дулами пулеметов подниматься и спускаться по скалистым, голым склонам острова. С одного места камни переносят на другое. На следующий день тащат обратно. И так целые годы.

«Упал твой напарник... читаем в книге... Ты спешить ему помочь. На вас бросаются стражи. Бьют потерявшего сознание. Бьют и тебя. Твое счастье, если они не поднесут тебе к инъектору дериву в прокатном устье и не оставят тебя там до вечера...»

Сегодня без хлеба... Третий день голодные... Под открытым небом создан карцер. Это пустынное место, обнесенное колючей проволокой, в том самом устье, где находится проклятое ивжировое дерево. Тебя бросают туда раздетым, босым, остроконечным наголо. Солнце, раскаляющее камни, палит тебя голый череп весь день... Ночью тебя убивают сыростью ветра. Выталкивают тебя оттуда полумертвым...»

Другой узник свидетельствует: «Петр Лагос, рабочий из Коккина, был подвергнут пыткам и повешен к ивжировому дереву за то, что отказался оставить в своей палатке портрет короля и подписать «дядос». Крестьянин Василий Кармуцос из Казакалара Ларисской области умер, толкая мешки с землей...»

Большой список в конце книги сообщает нам, кто же эти борцы-патриоты, подвергшиеся пыткам: это герои новейшей греческой истории, ветераны с медалями за доблесть в антифашистской войне, бывшие гитлеровские заложники, рабочие, крестьяне, офицеры, ученые, деятели искусства, юноши, дети.

В другом списке приводятся имена палачей. Здесь начальник лагеря Гластрас, который был начальником гитлеровской тюрьмы в Салониках, его помощник Хаджиянис, который спустил и растоптал греческий флаг в городе Кастория, как только туда вступили нацистские войска, гитлеровский военный преступник В. Фриц, югославский фашист Ресуллович, белогвардеец Кирьял Кравченко и др.

Всем этим международным подписать «дядос» — заявление об отречении от своих патристических взглядов, которое монархо-фашисты пытками и террором заставляют подписывать заключенных.

«...Вот их ввели в зал суда: Рудольф Сланский, Бедржих Геминдер, Людвиг Фрейха, Позеф Франк, Владимир Клемента, Бедржих Райцин, Карел Шваб, Артур Лондон, Вавро Гайда, Эжен Леб, Рудольф Марголюс, Отто Фиш, Отто Шлинг, Андре Симон. Все они, эти претенденты на роль чехословацких тито, ранковичей, пяде и прочих выродков, пригвождены к позорному столбу».

После чтения обвинительного заключения первым допрашивается главарь заговорщиков Рудольф Сланский. Потрясающий перечень тягчайших преступлений

Донкам дана власть над жизнью и смертью греческих патриотов, они — полные хозяева острова. На целых сороба страницах рукой жертв описываются кровавые оргии палачей...

«Пять лет... Но заключенные борются за жизнь. А если и отдают ее, то дорого. Так переходим к сопротивлению. Не выходим на работы. Бейте, сколько хотите. Не выйдем. Беснуется палачи... Сам командант тащит заключенных к себе домой и пытает их собственноручно в темной камере...»

Помощники команданта предпочитают пытки другого рода. Связав свою жертву, они бросают ее в глубокую пещеру, наполненную морской водой, и оставляют там на всю ночь. Или, продержав человека несколько часов без воды под палачим солнцем, они подводят его затем к саду команданта, когда тот поливает пресной водой свои цветы.

Подобно кадрам в кинофильме, одно за другим следуют в книге свидетельства о кровавых злодеяниях и издевательствах. Вот рассказ рабочего Сулатоса Панеготиса, умершего впоследствии от пыток:

«Было приказано всем выходить на работу — калекам, слепым, всем без исключения. Но цель заключалась не в работе, раз один был без ноги, другой без руки, калеки войны — кто одним глазом, а кто и совсем слепой; одна была цель — лишь бы пошевелили над людьми...»

«Кормили отвратительно. Гнилые бобы, и с этого варевка еще приходилось ложкой собирать сверху густой слой червей, которые выплывали на поверхность. Бобы всегда варились в морской воде. Хлеб, зеленый от плесени, был причиной смерти многих от отравления».

С. Лукопулос пишет: «Начальник утроем заключенный Васкидас упал в обморок. Его забрал немец, военный преступник Фриц, который является помощником «врача» Антипаса, и сделал большую укол. Потом сам Антипас в отсутствие других сделал еще укол. Какой это был укол, никто не узнал. Но через час Васкидас вынесли мертвым из амбулатории».

Другой заключенный добавляет: «Начальник жандармов Китаос приказал открыть огонь по узникам, которые под конвоем охранников искали воду на острове. Раздались более 100 выстрелов... «По телам... по телам...» кричит весь себя Китаос, управляя «боем».

Вот краткая повесть, одна из многих, о мужестве людей, верных своей совести и долгу чести.

«Заключенный Фокас, 55 лет, — читаем мы, — написал заявление прокурору о. Сироса с просьбой освободить его. На следующий день его вызвали в канцелярию и перед помощником команданта Янулисом потребовали от него подписать «дядос», обещая после этого послать его прошение прокурору. Фокас отказался. Тогда Янулис позвал охранника и сказал ему: «Сделай так, чтобы он ползал на живот». Христулос связал Фокаса руки за спину и начал его бить. Сбил с ног и бил без конца. Потом бросил его в карцер... А через два дня Фокаса вынесли оттуда на одеяле...»

Рядом с родителями на этом острове пыток их дети — 15—16-летние подростки. Когда их привезли сюда, им было по 12 лет. Палачи не щадили детей, как не щадили и их отцов.

Как-то в лагерь приехал главный ревизор тюрем Триандафилис. Целью его приезда было усилить кампанию по сбору «дядос».

«Палачи свирепствуют» — рисунок, сделанный рукой неизвестного художника-заключенного.

«Палачи свирепствуют» — рисунок, сделанный рукой неизвестного художника-заключенного.

«У него на глазах забирают подростка, — пишет один из заключенных, — чтобы перевести их в бухту «В», называемую бухтой кающихся. Один из ребят — Гянин Константин — сопротивляется при этом так сильно, что никак не могут его увести. Наконец, удается связать его, закрутив в рот кляп и доставить на лодке в бухту «В». Молодой паренек с разбитыми ребрами, измученный от боли, шаркающей кровью, брошен голым на пол в одной из камер. Канибалы бьют его беспрерывно, но он продолжает голодовать...»

Следы кровавых оргий на острове Юра навсегда запечатлелись на телах тысяч людей. Склоняешься к страницам, на которых кровь еще так же свежа, как и типографская краска, и слышишь, как стонет остров Юра. И вдруг взгляд падает на две строчки. Всего несколько слов. Шель по тьме ада, но видишь свет, который горит в сердцах героев.

«Инженер-строитель Костас Иконому подвергся нечеловеческим пыткам лишь за то, что скрывал учебник русского языка и занимался по этому учебнику...»

В книге много таких картин беззаветной преданности жизни, как эпизод с молодым инженером. Да, на этом острове смерти много людей, которые, неся тяжесть бесконечной мучительной жизни, сделали свои плечи столь сильными, что могут держать на них завтра победоносное солнце своей родины. Но думаю, мне, что если кто-нибудь, забывшая эту книгу, захотел бы представить себе типичный образ борца на острове Юра, он должен представить себе Костаса Иконому.

Измученное лицо, окровавленное от побоев, черное от солнца. Одежда в лохмотьях, под которыми виднеется тело в синяках. Человек, которого палачи целыми сутками держали повешенным к дереву, выданный, как его товарищи умирали рядом с ним, носивший камни и мешки с песком и все же не склонивший гордой головы. В руках у него книга, в сердце — неизменная вера в победу, вера в то, что его руки и разум еще потребуются народу, когда тот возьмется за восстановление своей поруганной, разрушенной Греции.

И что для него, строителя, будет в тебе прекрасней, чем язык создателей Волго-Дона? Язык, в котором такие слова, как «созидание», «мир», «труд», «жизнь», полны самых торжественных звуков?»

«Ничто не может нас поколебать. Мы — греческие патриоты, мы множество раз показали, что такое греческий демократ. И если наши тела изурядены пытками столетий, наша душа крепка, крепче, чем когда-либо. И наша воля победит неизменно... Мы выйдем победителями на Юра. Что бы ни сделали с нами».

Этими словами заканчивается первая часть книги, рассказывающая о жизни четырех тысяч ее авторов. Многие из них, «как угасшие звезды, свет которых бродит еще по земле», умерли на этой страшной скале. И не узнали об участи «своих окровавленных рукописей, написанных ими в борющихся промежутках между пытками. Другие — те, что остались живы, — еще мучаются и сейчас, когда пишутся эти строки, не только на острове Юра, но и в застенках Акрополя, Берлина, в тюрьмах Авероф в Афинах и в других концлагерях. Эти шесть страниц — всего лишь часть огромной книги, горестной новогреческой истории, истории тысяч людей, которые в продолжение многих лет видели только мучения и горе, тысяч матерей, которые лишились детей, тысяч детей, которые лишились своих родителей. Книга «Юра» — это обвинительный акт, разоблачающий черные злодеяния монархо-фашистских палачей и их заезжанских покровителей.

Как сообщает греческая газета «Элефтерия», премьер-министр нового правительства Греции Папагос, который пришел к власти в результате поддержки янки-окупантов, антидемократической избирательной системы и кровавого террора, поспешил заявить американскому журналисту: «Я буду продолжать политику умиротворения». Что значит «политика умиротворения», известно сейчас всему миру. Это — остров Юра.

Чтобы положить конец кровавым злодеяниям палачей, борются сегодня тысячи греческих патриотов рядом с миллионами честных людей всех стран, борцов за мир и свободу. Придет день, и книга об острове смерти пополнится новой, последней главой — рассказом о суровой каре, постигшей тех, кто залез на землю Греции слезами и кровью.

«Эзете имар» ** — как говорили древние греки.

** Придет день (древнегреческий).

СУДНАРОДА

20 ноября в Государственном суде в Праге начался процесс руководителей антигосударственного заговорщического центра во главе с Рудольфом Сланским.

Гнусные троцкистско-титовские, сионистские, буржуазно-националистические изменники схвачены с поличным. Наймиты американских империалистов, они ненавидели чехословацкий народ и вознамерились уничтожить народно-демократический строй, преградить светлый путь страны в социализм, по-титовски опутать ее цепями и бросить в ноги Уолла-Струта. Прозорливость Чехословацкой коммунистической партии, бдительность народа спасли страну от ужасной судьбы — рабства под пятой империалистов.

...Вот их ввели в зал суда: Рудольф Сланский, Бедржих Геминдер, Людвиг Фрейха, Позеф Франк, Владимир Клемента, Бедржих Райцин, Карел Шваб, Артур Лондон, Вавро Гайда, Эжен Леб, Рудольф Марголюс, Отто Фиш, Отто Шлинг, Андре Симон. Все они, эти претенденты на роль чехословацких тито, ранковичей, пяде и прочих выродков, пригвождены к позорному столбу.

После чтения обвинительного заключения первым допрашивается главарь заговорщиков Рудольф Сланский. Потрясающий перечень тягчайших преступлений

предъявляет ему суд народа, и в напряженной тишине зала раздается его приглушенное:

— Да. Сланский рассказывает историю предательства, рассказывает о своей троцкистской деятельности, о подготовке антигосударственного и антипартийного заговора, измене государству, шпионаже, подготовке к убийству главы Коммунистической партии Чехословакии, президента республики Клемента Готвальда. Маскируя свое подлое лицо, Сланский сколачивает вокруг себя отвратительную банду изменников, продавших свою родину, опирающихся на космополитов, троцкистско-титовское отребье, буржуазно-националистические элементы, врагов народа, врагов народно-демократического режима, врагов СССР, социализма и мира. Предатель народа — Сланский ненавидит народ, все то, за что борется народ и чего он жаждет.

С помощью Сланского клика мерзавцев пробралась на важнейшие руководящие посты в партии, народном хозяйстве, армии, в органах безопасности, министерстве иностранных дел и др. Обер-предатель Сланский подбивал личные дела этих преступников и единым росчерком пера превращал авантюристов в «незаменимых работников»...

Суд идет. А в это время за его стенами бурлит человеческое негодующее море. На многотысячных митингах, в многочисленных резолюциях, письмах и телеграммах в адрес Государственного суда звучит единый голос чехословацкого народа: беспощадно покарайте банду презренных наймитов американских империалистов!

«Мы благодарим Коммунистическую партию и прежде всего тов. Готвальда, — пишет коллектив машиностроительного завода «ЧКД — Соколов» в Праге, — за своевременное разоблачение и обезвреживание закладных врагов нашего народа. Мы осуждаем преступные и мерзкие замыслы этих извергов, покушавшихся на жизнь этического Клемента Готвальда и пытавшихся разорвать наш нерушимый союз и дружбу с Советским Союзом».

Преступникам не уйти от заслуженной кары! Чехословацкий народ, сокрушая империалистических наймитов и шпионов, наносит тяжелый удар по поджигателям войны. Он полон решимости сорвать любые прожекты, направленные против свободы своей родины, и идти вперед по радостному пути социализма, в братской, нерушимой дружбе с великим Советским Союзом.

Хелена ШАЙНЕРОВА ПРАГА, 21 ноября. (По телефону)

Международная почта

В ЛОГОВЕ «АТЛАНТИЧЕСКИХ СТРАТЕГОВ»

Немецкий еженедельник «Ди вельдонне» поместил недавно статью французского журналиста Жана Вилена, в которой описывается, как обобщались во Франции «атлантические стратегии» во главе с американским генералом Риджуэем.

Автор посетил штаб-квартиру американских военно-воздушных сил в Европе, расположенную в лесу Фонтенбло, близ французского города Авона. Впечатления, вынесенные им из этого посещения, назван интересны. Лишь несколько летел и беззастенчиво закончил строительство и оборудование этой штаб-квартиры. Она занимает участок в 40 гектаров леса. Она только наземные здания занимают территорию в 70 тысяч квадратных метров... Тот факт, что штаб-квартира на всякий случай снабжена резервуаром для воды емкостью в 1.000 кубических метров, а также собственной электростанцией, вполне понятны, так как американцы считаются с возможностью того, что при известных обстоятельствах им придется воевать во Франции, как во вражеской стране».

Далее Жан Вилен рассказывает о построенных для американских офицеров недалеко от подземного штаб-квартиры, на окраине идиллического городка Фонтенбло, пяти огромных жилых домах. Они «должны быть этой осенью заселены людьми, которые изо дня в день занимаются только тем, что составляют планы уничтожения Гамбурга, Берлина, Москвы, Варшавы или Мюнхена. Сроки строительства офицерских домов не были точно выдержаны, так как французские рабочие этой весной некоторое время бастовали. Они протестовали против того, что уволили их профсоюзные представители, что за ними день и ночь шпионят и что американские офицеры, осуществляющие надзор, пытались превратить огромную строительную площадку в лагерь принудительного труда».

Французский журналист отмечает интересный деталь: этот жилищный массив имеет подземный ход, который соединяет все пять зданий и связан со штаб-квартирой. И ironically задает вопрос: «Неужели янки уже теперь боятся партизан?»

Не так давно перед судом в английском городе Лонг-Айленде предстала 72-летняя Эдит Брегаут. Ее обвинили в мелкой краже. Суд вынес ей приговор. Но не потому, что она опалась его суровости. Наоборот, Эдит Брегаут, вся в слезах, просила суд не проявлять ни малейшего снисхождения и, если возможно, приговорить ее к пожизненному тюремному заключению...

Посудимая вполне резонно объяснила, чем вызвана эта не совсем обычная просьба. Вся жизнь Брегаут трудилась на придельной фабрике в Милденде. Десятки лет ее считали прекрасной, прилежной работницей. Потом наступила старость, работать больше она не могла. Лишившись средств к существованию, она бастовала, голодала и, наконец, попала в тюрьму.

«Время предварительного заключения было для меня самым счастливым за последние пять лет, — заявила Брегаут на суде. — С меня была снята забота о том, как добыть хлеб».

Высшее счастье, вершина мечтаний для Брегаут — это провести остаток своих дней в камере, где есть крыша и где каждый день приносит кусок хлеба...

Судьи милостиво выслушали старую женщину и, как сообщает немецкий журнал «Нейе берлинер иллюстрир», приговорили ее к тюремному заключению на шесть месяцев. Председатель суда заявил, что за проступок, совершенный подсудимой, максимум не превышает шести месяцев, а потому суд, к сожалению, не в состоянии выполнить вполне понятное желание госпожи Брегаут и осудить ее на пожизненное заключение».

Через полгода Эдит Брегаут вновь будет предоставлена свобода умирать от голода...

БРИТАНСКИЙ ЛЕВ: — Я бы предпочел настоящий прибор и кусок мяса побольше...

Рисунок худ. Петра РАЙМАНА из журнала «Фришер ввид»

НЕОСТОРОЖНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Английская газета «Санди граффик» весьма встревожена: наглое поведение американской военщины, расквартированной в военно-воздушных базах в Великобритании, вызывает все большее негодование населения. Опасаясь, что потерявшие терпение коренные обитатели Британских островов могут доброго несласово призвать к порядку распоразавшихся янки, газета лихорадочно пишет: «Будьте справедливы к американским солдатам!»

Любопытен аргумент, которым подкрепляется мольба о «снисходительности» к заокеанским хулиганам, занимающимся в Англии дебошами, насилиями и даже убийствами. Будете справедливы, уговаривает «Санди граффик» читателей, вы должны сознавать, что «всегда, когда какая-либо большая или маленькая армия «окупирует» какую-нибудь страну, могут быть неприятности...»

Слово «окупировать» газета стыдливо заключила в кавычки. Эта стыдливость вполне понятна: «Санди граффик» — одна из тех реакционных английских газет, которые без стеснения проводят проамериканскую линию, и признаются в том, что Англия оккупирована янки, ей не очень-то хочется... Но копейная хитрость с кавычками помогает мало — признание сделано!

«На какие только условия не пускаются предприниматели бизнесмена, чтобы сбыть товар!»

Шведские книготорговцы поместили, например, недавно в ряде буржуазных газет рекламное объявление, начинающееся выразительными словами: «Вы терпеть не можете Америку?»

Ничего не скажешь — расчет правильный! Такая фраза сразу же обращает на себя внимание, ибо весьма распространена в ней мысль, несомненно, разделяет весьма широкий круг шведских читателей.

И вот, когда таким способом внимание привлечено, издательство «Натур о культур» пытается дезавуировать заданный вопрос. Следующая фраза гласит: «Значит, вы недостаточно хорошо понимаете Америку и американцев».

Далее дается совет купить книгу «Капитализм в Америке», написанную неким Фр. М. Стерном. В этой книге речь идет о всевозможных вопросах и даже рассказывается о том, как в Америке... «уничтожаются классовые различия». Цена — девять с половиной крон...

«Вы терпеть не можете Америку?» Да, народы Европы, в том числе шведский народ, ненавидят заокеанских поджигателей войны. Об этом можно судить хотя бы по воспроизводимой нами рекламе, авторы которой в интересах бизнеса вынуждены сгалькиваться от сего непреложного факта...

Вена утром. На скамейке в парке спят безработные и бездомные люди. Снимок из австрийского журнала «Штимме дер фрау»

АМЕРИКАНСКИЙ РЕЦЕПТ СЧАСТЬЯ

Американский реакционный журнал «Риддер дайджест» любит печатать читателям всякого рода «полезные советы». Подобные «советы», например, в опубликованной в сентябрьском номере журнала статья под характерным заголовком: «Давайте забудем это выражение — «уверенность» в завтрашнем дне».

Автор статьи, некая Катлин Норрис, признает со вздохом, что в нынешней Америке не может быть и речи о какой-либо уверенности в завтрашнем дне, призывает навсегда расстаться с надеждой и даже мыслями в этом направлении. «Мы все были бы счастливы, не думая и не беспокоясь об этом», — проповедует она. Новоявленная «гуманстка» утверждает, что «уверенность» в завтрашнем дне далеко не так страшна, как это кажется. Однажды испытан ее, человек никогда уже ее не страшился».

«...Рост цен, рост налогов могут причинить бесконечные страдания», — продолжает Норрис. — Наша страна охвачена в связи с этим глубочайшим смятением. Что же делать? А вот что: не огорчаться, ибо — и тут автор статьи договаривается до самого назло утверждения — «в силу одного из жизненных парадоксов неустерпимости в завтрашнем дне — это и есть истинная уверенность в нем».

Теперь все ясно! Нищета — это богатство, голод — это сытость, кризис — это процветание... На таких «полезных советах» и «жизненных парадоксах» жидается вся американская пропаганда.

Смесь

Медали и дезертиры. Американская буржуазная пресса выражает тревогу по поводу упадка дисциплины и «морального состояния» в вооруженных силах США. По словам министра обороны Корнелиуса Риана, Ассоциацией Пресс, военное министерство намерено израсходовать «на поимку дезертиров» больше средств, чем на награждение медалью! Министерство просило ассигновать без малого 2 миллиона долларов на ловлю дезертиров и 1.650.000 долларов — на медали и другие награды.

Их рассказывает министр датский реакционной прессы «Данск Демократ» по поводу поездки в Соединенные Штаты Америки. Вот что он рассказывает на страницах датской буржуазной газеты «Информацион» о встрече датской делегации с «американским партнером» по Атлантическому блоку: «Я поспешил к выходу, держа в руках мой дипломатический паспорт и надеясь, что мне, несомненно, удастся быстро выйти из аэропорта. Но не тут-то было — мой паспорт не произвел никакого впечатления. Служащий аэропорта остановил меня движением руки и осклабясь в сторону, спросил: «Американские граждане проходят в первую очередь!»

Таким образом, уже на аэродроме в Америке датскому министру бесцеремонно напомнили: все сверху знает свой шесток. Американский журнал «Иллюстрир» уличил оф Индия» поместил статью, в которой описывается, как японская группа комической оперы Тикарадука поставила... пьесу Шенспира «Гамлет». Режиссер Мосани Хори переделал ее по американским образцам в оперетту. Оперетта «Гамлет», сильно сохранившая по существу структуру «Гамлета», пьесы Шекспира, идет всего два часа. Знаменитый монолог «Быть или не быть» выброшен, изгнаны также сцена на кладбище, Вестхук, действующий в оперетте «Гамлет», песни и танцы. В заключительном акте, «после смерти мрачного датчанина», все великий шекспировский дивертисмент, музыка, балет, чечетка...

На это «нет средств». О том, как в современной Англии чтут память выдающихся национальных писателей, свидетельствует такой факт. Недельный Совет по охране национальных памятников объявил, что о. Бернхард, будет вынужден сдать в аренду дом Бернарда Шоу в Хартфордшире, так как не имеет средств на содержание дома.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, А. КРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИНА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИБИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).